

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СПЕЦИФИКА СЛОВОТВОРЧЕСТВА

О. МАНДЕЛЬШТАМА

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031554
Новак Ольги Алексеевны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Плотникова Л.И.

Рецензент
кандидат филологических наук Киреева Ю.Н.

БЕЛГОРОД 2018

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
1.1. Новые слова в русском языке: различные подходы к их характеристике.....	7
1.2. Основные этапы в изучении индивидуально-авторских новообразований.....	21
1.3. Специфика употребления авторских новообразований.....	25
Глава II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ О. МАНДЕЛЬШТАМА.....	30
2.1. Об особенностях языка поэтических текстов О. Мандельштама	30
2.2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ О. МАНДЕЛЬШТАМА	48
2.2.1. Имена существительные	48
2.2.2. Имена прилагательные.....	62
2.2.3. ИАН – глаголы	71
2.2.4. Наречия	74
Заключение.....	77
Используемая литература	81

Введение

Изучение индивидуально-авторских новообразований (ИАН) – одна из актуальных задач современной лингвистики. Лексикографическая регистрация ИАН, их словообразовательная и семантическая типология, стилистическое функционирование представляют несомненный интерес для исследователей языка.

Объектом исследования послужили ИАН в творчестве О. Мандельштама.

Предметом настоящего исследования являются структурные и семантические особенности ИАН О. Мандельштама. Языковой материал извлекался из поэтических сборников указанного автора.

Ю.И. Левин выделяет в творчестве О.Э.Мандельштама пять периодов, которые он называет фазами: 1-я фаза (1908-1915 гг.) – книга стихов «Камень»; 2-я фаза – книга стихов «Tristia»; 3-я фаза (1921-1925) – стихи 1921-1925 гг.; 4-я фаза (1925-1934) – «Армения», «Новые стихи» (позднее эта фаза была названа «Московскими стихами»); 5-я фаза (1935-1937 гг.) – «Воронежские тетради». Изучение словотворчества поэта позволяет по-новому посмотреть на поэзию О.Мандельштама, отличающуюся оригинальностью и самобытностью, увидеть в нем яркую индивидуальность. Выбор объекта исследования обусловлен загадкой личности и творчества поэта, который на протяжении многих лет притягивает к себе внимание исследователей и читателей, поклонников его таланта.

В данной работе анализу подвергается авторская лексика, являющаяся результатом словотворчества. Под индивидуально авторскими новообразованиями мы понимаем слова, отсутствующие в языковой традиции, созданные самими автором с определённой художественной целью. Характеристика авторских слов поэта с точки зрения словообразования, семантической и функциональной значимости еще не была предметом специального анализа. Изучение индивидуально-авторских новообразований представляет интерес не только в плане индивидуального стиля того или иного поэта, но и как исследование национально-культурного компонента русской поэтической речи. Данные положения обуславливают **актуальность** дипломной работы.

Основной целью исследования является системно-комплексный анализ индивидуально-авторских новообразований О. Мандельштама в словообразовательном и функционально-стилистическом аспектах. В соответствии с этой целью были поставлены следующие задачи:

- 1) собрать языковой материал – ИАН – из различных сборников О. Мандельштама;
- 2) выявить способы образования новых слов для каждой части речи;
- 3) дать структурную и семантическую характеристику индивидуально-авторских новообразований с учетом особых оттенков значений, возникающих в результате нарушения формально-семантических ограничений, наложенных узусом на тот или иной словообразовательный тип;
- 4) произвести функционально-стилистический анализ индивидуально-авторских новообразований, выявив их функциональную нагрузку в поэзии;
- 5) определить основные тенденции в создании индивидуально-авторских новообразований в творчестве поэта.

Основные методы исследования. Основным методом в данной работе является метод системного описания ИАН О. Мандельштама. В соответствии с данным методом все собранные нами слова распределены по частеречной принадлежности, в затем – по способам словообразования, с учетом определенных словообразовательных средств. Применение количественного приема позволило выявить определенные тенденции словотворчества О.Мандельштама.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы.

В первой главе – «Теоретические основы исследования» – представлен обзор лингвистической литературы, в которой освещаются основные проблемы, связанные с теорией неологии и статусом индивидуально-авторских новообразований.

Во второй главе – «Структурно-семантические особенности новообразований О. Мандельштама » – выявлены способы образования слов для каждой части речи, семантические особенности созданных поэтом слов, определяется их функциональная предназначенность. Общий итог проделанной работы содержится в заключении.

Методологической и теоретической основой работы являются труды известных ученых: В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Е.А. Земской, А.Г. Лыкова, Р.Ю. Намитоковой, А.И. Смирницкого, И.С. Улуханова, Н.М. Шанского и др.

Среди новообразований русского языка выделяются две категории: неологизмы и окказионализмы (последние на словообразовательном уровне дифференцируются на потенциальные окказиональные слова).

Термин «окказионализм» широко используется в лингвистической литературе, но общепризнанного определения окказионального слова нет. Н.И.Фельдман (термин «окказионализм» в отечественной лингвистике впервые введён ею) среди основных признаков окказионального слова выделяет абсолютную новизну, зависимость от контекста и отсутствия фиксации окказионализма в словарях [Фельдман 1957: 64].

Особое место среди работ, посвященных анализу индивидуально-авторских новообразований, по праву принадлежит исследованиям Е.А. Земской, В.П. Изотова, А.Г. Лыкова, Р.Ю. Намитоковой, Л.И. Плотниковой, Л.В. Рацибурской, И.С. Улуханова и др. В лингвистической литературе проявляются две тенденции, направленные на разграничение или неразграничение потенциальных и окказиональных слов. Первая тенденция реализуется в работах М.А. Бакиной, Н.А. Богданова, Г.О. Винокура, Л.И. Джоглидзе, Е.А. Земской, М.У. Калниязова и др.

Другая тенденция представлена в работах А.Г. Лыкова, В.Н. Хохлачёвой, В.В. Лопатина, О.А. Габинской, И.Л. Загрузной, Е.А. Жигаревой и др.

Особый интерес представляют работы М.Л. Гаспарова, С.С. Аверинцева, Д. М. Сегала. М.Л. Гаспаров основное внимание обращает на исследование интертекстуальных связей в мандельштамовском творчестве, акцентируя внимание на то, как в пространстве стихотворения О.Мандельштама происходит переключки между разновременными эпохами и культурами. «Поэт и культура», – главная тема его размышлений по поводу О. Мандельштама. С. С. Аверинцев анализирует психологические мотивы в творчестве писателя, описывает принцип стремления к противоположности и избегания тавтологий, проявившийся и в жизни, и в поэзии Мандельштама [Аверинцев 1990: 214]. Соотношение поэта, текста и истории в творчестве О. Мандельштама рассматривается в книге Д. М. Сегала «Осип Мандельштам. История и поэтика» [Сегал 1998]. Особенности

«звукового мира» лирики автора были отмечены в работе Ежовой (1999). Проблемы семантики и смысла поэтических текстов автора изучены в работах Петровой (2001), Черашней (2001), Гольдиной (2001). Исследованиям языковых и межъязыковых игр посвящены работы Г.Г. Амелина и В.Я. Мордерер (2000) .

Среди исследователей, изучавших особенности языка поэта, необходимо в первую очередь выделить таких, как К.Тарановский (2000), Ронен (2002), Ю. Левин (1969, 1998), Д. Сегал (1968), Р. Тименчик (1974), В. Топоров, Т. Цивьян (2001), М. Гаспаров (2001), Жирмунский (1977), Струве (1992), Гинзбург (1982), Лекманов (1997, 2000), Панова (2003) и др. Необходимо отметить работы по изучению поэтики О. Мандельштама К.Ф. Тарановского, продолжателя традиций русской «формальной школы».

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Новые слова в русском языке: различные подходы к их характеристике

Одной из актуальных проблем в современном языкознании является проблема новых слов. Это обусловлено тем, что язык находится в постоянном развитии и изменении. Все новое, что происходит в жизни человека, в жизни общества находит свое отражение в новых словах. Новые слова необычностью своей формы всегда обращали на себя внимание исследователей.

Лингвистические исследования новых слов возникают вместе с появлением интереса к функциональной стороне языка и разграничением понятий «язык» и «речь». Об этом писал еще Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики»: «...новообразование, которое является завершением аналогии, первоначально принадлежит исключительно сфере речи; оно – случайное творчество отдельного лица. Именно в этой сфере и вне языка следует искать зарождение данного явления... В языке удерживается лишь незначительная часть новообразований, возникших в речи; но те, какие остаются, все же достаточно многочисленны, чтобы с течением времени в своей совокупности придать словарю и грамматике совершенно другой облик» [Соссюр 1998: 199, 203]. Данная мысль получает свое развитие и продолжение в работе В.В. Лопатина «Рождение слова» [Лопатин 1973].

В лингвистике проблема создания новых слов стала предметом специальных исследований после появления работ Г.О. Винокура (1943) и В.В. Виноградова (1972), посвященных различным аспектам функционирования языковых средств в русской речи. Таковы, например, исследования А.А. Брагиной, Е.А. Земской, А.В. Калинина, В.В. Лопатина, А.Г. Лыкова, С.И. Ожегова, Р.Н. Попова, А.И. Смирницкого, А.Н. Тихонова, В.Н. Хохлачевой, Н.М. Шанского и др.

Несмотря на многочисленные работы, посвященные проблемам образования новых слов в языке, среди ученых нет единого понимания сущности нового слова, единых критериев определения названного языкового явления.

Наиболее полным представляется нам определение Н.З. Котеловой, которая под новыми словами понимает «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широкоупотребимыми», а также «те производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно существующих слов по известным моделям лишь в последние годы (их регистрируют письменные источники только последних лет)» [Котелова 1978: 27].

Важным моментом характеристики сущности нового слова считают временной фактор (т.е. время появления слова) и связанный с ним фактор новизны слова, ощущение необычности слова всеми говорящими. Данной точки зрения придерживаются такие исследователи, как А.В. Калинин, В.В. Лопатин. Так, А.В. Калинин пишет: «...в лингвистической литературе этим термином называют обычно не простое новое, а очень новое, новенькое, совсем недавно появившееся слово, новизна и свежесть которого ощущается говорящими... Пребывание слова в «неологизмах» обычно непродолжительно. Если слово образовано удачно, а явление, которое им обозначается, прочно вошло в язык, название этого явления перестает быть неологизмом, становясь обычным словом языка» [Калинин 1978: 114].

Однако хронологические границы пребывания слова в языке в качестве нового очень неопределенны и относительны. Как справедливо отмечает В.В. Лопатин, «на эти вопросы нельзя дать точный ответ. Можно лишь сказать, что пока обозначаемые этими словами предметы, явления действительности сохраняют черты ощутимой новизны, до тех пор и сами эти слова воспринимаются как новые» [Лопатин 1973: 58].

В большинстве работ признак новизны назван определяющим. Однако, как нам кажется, есть больше оснований согласиться с мнением А.Г. Лыкова, отрицающего признак постоянной новизны слова и включающего в определение признак необычности единицы: «Думается, что постоянная новизна слова, пусть даже и окказионального, его новизна временная, логически немыслима и лингвистически несостоятельна. Не новизна,

а необычность, диковинность – вот что является главным и постоянным признаком окказионализма» [Лыков 1976: 74].

Разграничение новых слов на неологизмы и окказионализмы, индивидуально-авторские слова, в языкознании стало возможно лишь с разграничением понятий «язык» и «речь». Исследователи русского словообразования единодушны в том, что неологизмы – это «исконные слова, закрепляющиеся в языке... Каждое такое слово – общественное явление, ибо порождено оно потребностями общества» [Лопатин 1973: 20]. Неологизмами в языкознании принято называть слова, входящие сразу же после их образования в систему языка. Отсюда дифференциальными признаками неологизмов, в отличие от окказионализмов, можно считать следующие:

1) индивидуальный характер образования и отсутствие связи с конкретным творцом;

2) вхождение в систему языка как необходимого элемента;

3) создание по продуктивным словообразовательным моделям;

4) постепенная утрата ощущения новизны слова;

5) выполнение номинативной функции;

6) возможность существования вне контекста;

7) выполнение в процессе коммуникаций интеллектуально-коммуникативной функции [Лопатин 1973: 21].

По мнению А.Г. Лыкова, «окказиональные явления обычно бывают индивидуальными новшествами, принадлежащими отдельным лицам, часто писателям» [Лыков 1977: 55]. В плане образования неологизмов и авторских окказионализмов интересно мнение Е.А. Земской, которая считает, что двигателем, порождающим все виды новых слов, является аналогия. Без аналогии не рождается не только ни одно узуальное, но и ни одно окказиональное слово. «Однако, если в рождении окказионального слова аналогия часто действует как конкретный образец, то в порождении слов узуальных действуют абстрактные аналогические правила, причем чем продуктивнее тот или иной тип, тем абстрактнее правило, т.е. тем менее оно отягощено лексико-семантической конкретностью» [Земская 1992: 182].

Относительно речевого характера окказионализмов интересным, на наш взгляд, является мнение О.А. Габинской. Она разграничивает два аспекта – ономаσιологический и функциональный. Анализируя новые слова с точки зрения их образования (ономаσιологии), О.А. Габинская считает, что «...утверждение о речевом характере окказионализмов верно лишь по отношению к его образованию, а не функционированию», антиномия «язык» – «речь», определяющая статус новообразований, является «недостаточной и требует уточнений». После образования новое слово существует на языковом уровне, то есть как знак, за которым закреплено значение, но при этом вновь созданное слово становится принадлежностью индивидуального языка и это слово воспроизводится в индивидуальном языке. Таким образом, любое слово одновременно принадлежит и языку, и речи, «...вновь созданное слово становится принадлежностью не общего языка, а индивидуального языка», так как «члены языкового коллектива еще не знакомы с ним» [Габинская 1981: 37-41].

Следовательно, окказионализм, зародившийся как факт речи, впоследствии переходит в явление индивидуального языка. Подробно и обстоятельно рассмотрев образование и функционирование окказиональных слов с точки зрения их принадлежности к языку и речи, исследователь делает вывод о том, что «поставленную проблему... нельзя решать альтернативно, то есть относить окказионализмы к языку или речи безоговорочно. Слово – чрезвычайно сложная единица, и в процессе своего образования и существования оно как бы «поворачивается» то к языку, то к речи, выступая в то же время как единая, целостная единица» [Габинская 1981: 51].

Вышеизложенное мнение О.А. Габинской позволяет утверждать, что природа всех лексических единиц – узуальных и окказиональных – одинакова; принадлежность первых к общему языку, а вторых – к индивидуальному языку не является их принципиальным отличием, ведь индивидуальный язык – «часть общего языка плюс возможные инновации индивида, еще не вошедшие в общий язык», а «общий язык как социальное явление «представляет собой общую часть суммы, совокупности индивидуальных словесных языков носителей каждого народа» [Торопцев 1985: 34-45].

Индивидуальный язык исследуется в работах Н.Г. Комлева (1969), Ю.В. Фоменко (1990). Ю.В. Фоменко, приходя к мысли о необходимости учитывать индивидуальный

язык, считает что все изменения языка начинаются в речи, но это положение нуждается в уточнении: все языковые изменения начинаются в индивидуальном языке, в языке того или иного отдельного индивидуума. При таком подходе, по его мнению, элементы новизны в индивидуальной речи будут иметь не случайный, а закономерный характер, поскольку они были запрограммированы в сознании говорящего [Фоменко 1990: 9]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Окказиональные слова становятся принадлежностью языка, иногда без «долгой апробации на прочность и пригодность», что подтверждает отсутствие принципиальных отличий между неологизмами и окказионализмами в плане соотношения языка и речи [Лыков 1972: 77]; [Земская 1973: 229]. Исходя из дихотомии язык-речь, трудно объяснить, как осуществляется переход вновь образованных слов из речевого статуса в статус языковой, ибо «общественная воспроизводимость не может возникнуть без усвоения новой, окказиональной единицы, то есть без включения ее в состав средств индивидуального языка» [Торопцев 1985: 168].

Т.Н. Коршунова (1999) считает, что с признанием индивидуального языка отпадает необходимость в выделении таких признаков окказионального слова, как творимость и функциональная одноразовость. Ограничительным признаком окказионализмов, по мнению исследователя, можно считать их ненормативность (наличие отклонения от узуса) и отсутствие в общем языке. Мы, в свою очередь, склонны считать разграничивающим признаком неологизмов и окказионализмов принадлежность первых к языку, а вторых – к речи, опираясь при этом на сосюрдовское понимание данной дихотомии. Вслед за И.С. Улухановым, мы определяем окказионализм как факт речи, т.е. невоспроизводимое, неузуальное, создаваемое в речи слово.

Разграничивающим признаком неологизмов и окказионализмов является также их различное функциональное назначение. «Окказионализмам нет нужды становиться стационарными словами, оставаться в памяти носителей языка, ибо их функциональное назначение не в том, чтобы дать название новой реалии или новому явлению – это прерогатива неологизмов. Что же касается окказионализмов, то они вновь и вновь подтверждают семантику личностного отношения к языку и свободы от его власти» [Ревзина 1996: 306].

Окказиональные слова по своему происхождению неоднородны; одни из них являются образованиями, функционирующими в живой разговорной речи, другие – в речи художественной. Лингвистические характеристики названных групп окказионализмов одинаковы. Основное различие между ними – в функциональной нагруженности. Окказионализмы художественной речи, в отличие от окказионализмов живой разговорной, являются, как правило, авторскими, письменно закрепленными в данном художественном тексте, в котором они выполняют определенную стилистическую функцию. Кроме того, в отличие от окказионализмов обычной речи, они имеют двойственную природу, проявляющуюся в их связи со словообразовательной системой языка и с системой художественной речи, что и приводит к их семантико-стилистической многоплановости.

Рассмотрим лингвистические характеристики собственно окказиональных слов вообще и индивидуально-авторских окказионализмов. А.Г. Лыковым в работе «Современная русская лексикология (Русское окказиональное слово)» названы девять признаков, отграничивающих русское окказиональное слово от канонического: 1) принадлежность к речи; 2) творимость (невоспроизводимость); 3) словообразовательная производность; 4) ненормативность; 5) функциональная одноразовость; б) экспрессивность; 7) номинативная факультативность; 8) синхронно-диахронная диффузность; 9) индивидуальная принадлежность [Лыков 1976: 11].

Однако не все исследователи согласны с вышеназванными признаками окказионального слова. Так, А.Г. Оганесян отмечает, «...далеко не все из них являются релевантными для определения окказионального слова, а некоторые из них повторяют друг друга. Таковы, например, тесно между собой связанные и взаимообуславливающие... принадлежность к речи, ненормативность, номинативная факультативность. Что же касается такого признака окказионального слова, как индивидуальная принадлежность, то этот признак релевантен не для всех окказионализмов, а лишь для индивидуально-авторских» [Оганесян 1989: 7]. По мнению А.Г. Оганесяна, окказионализмы в таком понимании делятся на собственно окказионализмы и индивидуально-авторские образования.

Окказионализмы всегда являются номинациями и «языковленной» формой определенного авторского смысла: «...поэт как бы заявляет: «Я выделяю данный смысловой сгусток как оконтуренный и сообщаю его оязыковленную форму» [Ревзина 1996: 306]. В тексте окказионализмы становятся носителями центральных художественных смыслов – ключевыми словами, явно представляющими доступную и проработанную часть семантики и стягивающими к себе всю совокупность смыслов.

Основным и определяющим свойством окказиональных слов А.Г. Оганесян, вслед за И.С. Улухановым, признает их принадлежность к речи, а не к языку, а также их творимость, которая на фоне «воспроизводимости» общеязыковых, узуальных слов и создает эффект новизны и необычности окказионального слова [Оганесян 1989: 17].

Р.Ю. Намитокова авторские новообразования определяет как «речевые новообразования, впервые отмеченные на страницах письменного текста – художественного или научного – и не зафиксированные в словарях национального языка, соответствующего данному автору времени, живущие только в тексте и поэтому обладающие признаком необычности, новизны, но могущие превратиться «в факты языка при благоприятных условиях» [Намитокова 1986: 22]. Под «благоприятными условиями» некоторые исследователи (Г.И. Миськевич, Л.К. Чельцова 1970) понимают функциональную целесообразность новой номинации, формальное соответствие ее возможностям системы языка, способность к конкуренции с узуальными синонимами, действие внелингвистических факторов.

Аналогичные признаки положены в основу определения Нефляшевой: «Под новообразованиями... понимаются новые слова, функционирующие в речи, сохраняющие новизну независимо от момента создания, обладающие номинативностью и экспрессивностью, образованные как в соответствии со словообразовательным типом, так и с нарушением его и не отмеченные к этому времени в лексикографических источниках» [Нефляшева 1998: 31].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает мнение О.Г. Ревзиной относительно сущности окказионального слова. Исследователь совершенно по-новому подходит к данному явлению. О.Г. Ревзина рассматривает создание окказионального слова как реализацию акта свободы человека от власти языка. «В этом акте творения той

единицы, которая принадлежит языку как его часть, на которую наложен запрет и которая одновременно, выражаясь риторически, является высшей славой и гордостью языка, содержится великий акт свободы – высвобождение человека из-под власти языка» [Ревзина 1996: 305-306].

Она же отмечает различную возможность использования этой свободы простым человеком (при создании окказионализмов в разговорной речи) и поэтом: «В данном проявлении свобода в принципе присуща каждому человеку (что и доказывается практикой... неосознаваемого и незамечаемого производства окказионализмов в разговорной речи), но воспользоваться этой свободой и показать ее ценность умеют именно поэты. В поэтическом тексте окказиональные слова реализуют в полном объеме возможности, данные языком слову. Они выступают как автономные, целостные и неделимые единицы, открытые действию стихотворных операторов – ритма, размера, рифмы... и становятся носителями индивидуально-авторской семантики...» [Ревзина 1996: 306].

В поэтическом языке возможны случаи, когда окказионализмы способны повторяться независимо и в живой разговорной речи, и у разных авторов. В индивидуальном мастерстве подобных слов приходится сомневаться: то ли они «подслушаны писателем у народа, то ли им самим сотворены» [Намиотокова 1986: 40]. Очень тонко чувствуют эту связь с народом сами поэты.

О проблеме разграничения общеязыковых и индивидуально-авторских новообразований (на примере индивидуально-авторских новообразований В. Маяковского) пишет В.В. Тимофеева (1962). Она отмечает, что нет ни одной работы, которая попыталась бы выяснить, в какой сфере эти новообразования появились и что из них должно быть отнесено к изобретениям самого поэта, а что взято у живого языка эпохи. По этому поводу пишет Р.Ю. Намитокова : «...новообразования, встреченные в художественном тексте впервые и только у данного автора, следует рассматривать как авторские» [Намиотокова 1986: 41].

С другой стороны, писатель наиболее чувствителен к тем изменениям и тенденциям, которые происходят в языке, следовательно, он не только передает их, но и в некотором смысле нередко предвосхищает. Г.О. Винокур отмечает: «Мастер...

языкового употребления не только хорошо знает нормы языка, но и сам на них влияет и сам их создает» [Винокур 1991:13].

«Во все времена, – развивает эту мысль В. Гак, – писатели, философы, ученые постоянно создавали новые слова, дополняя своим творчеством усилия всего народа» [Гак 1978: 37].

По мнению В.Л. Григорьева, «если народ осуществляет функции словотворчества, используя возможности, заложенные в языке, было бы странно ожидать, что поэзия будет себя ограничивать в этом отношении» [Григорьев 1979: 152].

Исследователи отмечают, что само словотворчество как художественное средство не имеет широкого распространения в русской литературе, занимая «одно из скромных мест в арсенале других языковых средств художественной выразительности» [Тимофеев 1959: 240].

Из двух существующих тенденций развития языка художественной литературы – широкого использования имеющихся в языке средств и индивидуального речетворчества – главной, по мнению академика Ф.П. Филина, решающей тенденцией является то, что «настоящий мастер спорадически прибегает к индивидуальному словотворчеству» [Филин 1981: 319]. Он справедливо считает, что «установка на индивидуальное словотворчество как на главный арсенал художественной литературы мало что дает и опасна, а... литературному языку ничего не прибавляет, так как продукты такой установки не выйдут за пределы индивидуального текста» [Филин 1977: 31]. С этим утверждением трудно не согласиться. Е.А. Земская также отмечает, что окказионализмы ориентированы не на правила, общие для всех носителей языка, но на способности индивидуума использовать возможности, заложенные в системе языка [Земская 1992: 180]. Вероятно, можно отметить разные степени соотношения этих тенденций в языке отдельных авторов слова.

Р.Ю. Намитокова отмечает: «...Любые новообразования, встреченные у того или иного автора и не отмеченные в словарях соответствующему ему времени (словари современного русского языка, соответствующие картотеки и словари новых слов) независимо от способа его производства, являются авторскими» [Намитокова 1986: 4].

При характеристике авторских новообразований и выявлении их отличительных признаков возникает еще одна проблема – проблема разграничения окказиональных и так называемых потенциальных слов.

До 60-х годов термином «окказиональное слово» обозначались все речевые новообразования независимо от способа их образования и отношения к словообразовательной системе языка.

Однако к середине 60-х годов в работах ряда исследователей русского словообразования окказиональные слова в зависимости от продуктивности/непродуктивности и способа образования делились на окказиональные слова и слова потенциальные.

Наиболее полно и последовательно это деление нашло свое выражение в работах М.А. Бакиной, Е.А. Земской, А.Г. Лыкова, Эр. Ханпиры и др. исследователей. Определение и толкование понятий «потенциальное слово» и «окказиональное слово» по своей основной сути у названных исследователей совпадает, различаясь лишь частными характеристиками. Потенциальным словом все они называют слово, «которое может быть образовано по языковой модели высокой продуктивности (неактуализированное потенциальное слово), а также слово, уже возникшее по таковой модели, но еще не вошедшее в язык (актуализированное потенциальное слово)». При этом определение «потенциальное» только подчеркивает заданность такого слова словообразовательной системой языка». Окказиональное слово определяется исследователями подчеркивается как образованное, в отличие от потенциального слова, по непродуктивной модели: «Окказиональное слово – это неизвестное языку слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, либо по окказиональной (речевой) модели и созданное как с целью обычного сообщения, так и с художественной целью» [Ханпира 1972: 248-249]; [там же 1966: 154].

Эр. Ханпира ввел термин «окказиональная словообразовательная модель», под которой понимается «...структурно-семантическая формула построения слов, не известная языку. Структурно-семантические различия между языковыми моделями и созданными по аналогии к ним окказиональными моделями могут состоять в различии одного или нескольких компонентов структуры» [Ханпира 1966: 2].

Как своеобразие окказионального словообразования многие исследователи отмечают образование окказионализмов по конкретному образцу, «то есть по форме и на фоне другого слова» [Красильников 1982: 155].

О языковой основе такого образования окказионализмов Е.А. Земская пишет: «Образцом для производства окказионализмов может быть не только непродуктивный словообразовательный тип, но и отдельное непроеизводное, но членимое слово. В таком случае говорят о словообразовании по конкретному образцу. Этот вид окказионального словообразования объясняется тем, что непроеизводные, но членимые слова являются определенными структурами, которые могут действовать как образец» [Земская 1972:21].

Исходя из продуктивности-непродуктивности словообразовательной модели, по которой создано новое слово, Е.А. Земская основным признаком окказионального слова считает словообразовательную модель, не характерную, не свойственную каноническим словам. «Окказиональные слова противостоят обычным (узуальным) словам. Окказионализмы – нарушители законов (правил) общеязыкового словообразования. Они используют бездействующие, мертвые аффиксы или «не те» основы... и даже имеют свои способы словообразования» [Земская 1992: 180], а авторские инновации, образованные по высокопродуктивной словообразовательной модели называет «потенциальными».

Термин «потенциальное слово» использует и Г.О. Винокур в работе «Маяковский – новатор языка», относя к потенциальным слова, «которых нет в языке, но которые могут легко появиться, если бы этого захотела историческая случайность» [Винокур 1943: 15].

Иной смысл в термин «потенциальное слово» вкладывает А.И. Смирницкий. Потенциальные слова – это слова, «появившиеся речи, которые оказываются не воспроизведенными, а созданными в данном процессе речи из материала и по образцам, имеющимся в словарном составе языка» [Смирницкий 1954: 10]; к потенциальным словам он относит и такие слова, которые уже созданы, но еще не вошли в язык.

А.Г. Лыков, давая теоретическое толкование окказионализмов, отмечает, что промежуточным звеном между окказионализмами и каноническими словами являются полуюкказиональные образования, обладающие низкой степенью окказиональности [Лыков 1976: 11].

М.А. Бакина использует термин «индивидуально-поэтические новообразования», подчеркивая тем самым их образность и выразительность, независимо от продуктивности-непродуктивности словообразовательной модели. «Поэтические новообразования употребляются, как правило, однократно, и поэтому значение их полностью может быть воспринято только в данном контекстуальном окружении» [Бакина 1975: 73].

О.И. Александрова отмечает, что поэтический (художественный) неологизм – это «речевая материализация внутреннего образа, которая осуществляется путем создания нового слова – словообразовательными средствами языка» – независимо от продуктивности словообразовательной модели, т.к. основная цель автора – не создание нового слова как такового, а стремление быть понятым [Александрова 1972: 115].

Т.Г. Винокур и М.К. Давыдова предлагают термин «индивидуально-стилистический неологизм», обращая внимание на стилистическую заданность новообразований. Р.Ю. Намитокова использует термин «индивидуальный неологизм», беря за основу индивидуальную творимость [Намитокова 1986: 157].

Дальнейшее развитие теория окказионального словообразования получила в работах Н.А. Янко-Триницкой, считающей окказиональное словообразование отдельной словообразовательной подсистемой, у которой есть своя специфическая системность. В связи с этим она отмечает: «Для окказионального словообразования характерны свои собственные модели: а) междусловное наложение: *ширпотребность* (*ширпотреб* + *потребность*); б) повторы-отзвучия: *штучки-дрючки*; в) замена слова более длинным словом по внешнему созвучию: *спина* → *спиноза*; г) замена незначительной части слова значимой: *ауди-енция* → *аудиенция*; д) эмансипация словообразовательных аффиксов: =*измы*, =*надцатый* и др.» [Янко-Триницкая 1976: 54].

Различия между потенциальными и окказиональными словами И.А. Нефляшева видит в том, что «потенциальные слова нормативны и системны, а собственно окказиональные ненормативны, но системны, так как возможность нарушения словообразовательного типа, происходящего при окказиональном словообразовании, заложена в самой системе» [Нефляшева 1998: 56].

А.В. Калинин называет потенциальными словами авторские неологизмы, созданные по продуктивным моделям. Если же слово создано по непродуктивному типу словообразования, то, по его мнению, это – окказиональное слово [Калинин 1978: 117].

Р.Ю. Намитокова отказывается от терминов «потенциальное» и «окказиональное» и предлагает первые называть стандартными образованиями, созданными по языковым моделям и соответствующим словообразовательным типам языка, а вторые – нестандартными образованиями, созданными с отклонением от известного словообразовательного типа. Она же отмечает, что стандартное словообразование может проявляться и на уровне языка, и на уровне речи. Ясно, что стандартные образования имеют большую возможность повторяться в случае широкой общественной потребности в различных актах общения. Нестандартные же речевые новообразования дважды окказионализмы: у них помимо лексической окказиональности есть еще окказиональность словообразовательная [Намитокова 1986: 25].

В.В. Лопатин относит к окказиональным все индивидуально-авторские новообразования, которые в трудах других исследователей (например, Е.А. Земской, Эр. Ханпиры,) разделены понятиями: окказионализм и потенциализм. Такое объединение он считает оправданным, поскольку обе группы слов – «и потенциальные, и индивидуально-авторские создаются «по случаю», окказионально... Как и все окказионализмы, потенциальные слова не входят в словарный состав языка... им в таких словарях не место, как и вообще окказиональным словам: все они не являются общепринятыми словами, вошедшими в язык» [Лопатин 1973: 71]. Такой же точки зрения придерживаются Б.А. Белова, Н.З. Котелова, В.Н. Хохлачева, понимая под окказионализмами все новые и необычные для языковой системы слова, встречающиеся в определенном контексте или употребленные в особой ситуации, ведь «и те и другие представляют собой слова, отсутствующие в языковой традиции, следовательно, такие, которые создаются в момент речи, тогда как все остальные слова в момент речи воссоздаются, воспроизводятся как готовые единицы языка» [Хохлачева 1967: 168].

Говоря о «потенциальных» и «окказиональных» словах, А.Г. Лыков (1972) отмечает, что «как те, так и другие в самом общем виде можно определить как слова,

создаваемые самим автором в устной или письменной речи для нужд данного контекста».

Окказиональные слова рассматриваются А.Г. Лыковым как потенциально возможные реализации системы языка. «Окказионализм представляет собой речевую реализацию нереализованных языком возможностей, заложенных в самой его системе. Вследствие этого окказиональное словообразование – при всей своей специфичности – является частью общего словообразования и выделяется внутри его» [Лыков 1976: 53].

Потенциальные слова нередко несут на себе черты ощутимой новизны, оригинальности, и их далеко не все можно четко отграничить от окказиональных образований. Об этом говорит и Е.А. Земская, отмечая, что в подобных случаях (когда в пределах какого-либо высокопродуктивного типа рождаются, слова индивидуальные) антиподы – слова потенциальные (реализация модели) и слова окказиональные (нарушение модели) – сближаются. [Земская 1992:187], [Земская 2000:128]. Потенциальные слова создаются на основе высокопродуктивных словообразовательных типов языка. Есть немало таких словообразовательных типов и подтипов, продуктивность которых проявляется главным образом в окказиональных новообразованиях. Например, так называемые составные (сложные) прилагательные. Это сложные слова, создаваемые путем соединения основ двух и более различных прилагательных, или соединения наречий с прилагательными. Возможности такого соединения почти неисчерпаемы.

Мы считаем, что индивидуально-авторские новообразования (слова, созданные автором для нужд данного контекста) включают в себя и слова потенциальные (созданные по высокопродуктивным словообразовательным моделям), и слова окказиональные (созданные с нарушением законов действия того или иного словообразовательного типа, по малопродуктивным и непродуктивным моделям).

Попытки упорядочить способы окказионального словообразования были сделаны А.Г. Лыковым, Н.А. Янко-Трипицкой, Е.А. Земской, И.С. Улухановым и др. В последнее время классификации способов незуального словообразования активно разрабатываются. Попытка объединить кодифицированные и незуальные способы словообразования представлена в работе

И.С. Улуханова «Единицы

словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация» (1996), где неузואльные способы словообразования рассматриваются не только как потенциально увеличивающие количество словообразовательных средств (появление новых аффиксов, новых комбинаций аффиксов и их значения), но и расширяющие, практически бесконечно, границы словообразовательной системы в целом.

В работе В.П. Изотова и В.В. Панюшкина «Неузואльные способы словообразования» (1997) представлена терминологически разработанная классификация способов окказионального словообразования, которая включает наряду с уже существующими или описанными способами такой способ, как «гипотетическое словообразование», подразумевающий изучение того, что только обнаруживает тенденцию к возникновению. Интересным также нам представляется мнение О.Г. Ревзиной об окказиональном словообразовании: «Высказаны противоположные точки зрения и очертился объем ментального пространства, в котором мыслят об окказионализмах в рамках лингвистики и лингвистической поэтики. Этот объем узок для окказионализма, их осмысление требует расширенного круга вопросов, которые могут быть к ним поставлены, равно как и подхода в рамках современной научной парадигмы, видящей в языке знаковую систему, но и убежденных в том, что «сущность языка лежит по ту сторону замкнутых в себе знаков». Семантика свободы, которую мы приписываем окказионализмам, как раз и открывается при полагании научным объектом триединства человека, языка и мира» [Ревзина 1996: 307].

1.2. Основные этапы в изучении индивидуально-авторских новообразований

Окказиональность как языковое явление у лингвистов прошлого века не являлась непосредственным объектом изучения. Но к вопросу об индивидуальном словотворчестве отдельной личности обращались А.А. Потебня (1976), И.А. Бодуэн де Куртенэ (1963), А.М. Пешковский (1959).

За элементами художественной речи признавалась возможность смыслового варьирования для достижения «психического результата», то есть для выполнения определенной стилистической функции в общем контексте.

Утверждение А.А. Потебни «о личности» всякого литературного произведения в отличие от безличности языка, в определенной мере привело к мысли о необходимости изучения языка каждого отдельного художника слова с целью выявления особенностей его творческого поиска [Потебня 1976: 27].

К особенностям идиостиля художника слова относятся и так называемые окказиональные единицы, эстетически трансформированные средства народного языка. «Работа писателя – мастера художественного слова, – писал В.В. Виноградов, – обычно рассматривается как составная часть общего движения литературной речи, или как ее движущая сила, или как цепь экспериментально-художественных творческих изысканий, определяющих направление этого движения в тех или иных отношениях» [Виноградов 1959: 5].

Важным моментом в оценке необходимости использования окказиональных единиц служит положение об эстетической значимости: «Отступая в силу тех или иных причин, художественных задач от норм литературного языка и правил, писатель должен внутренне, эстетически оправдать свои речевые новшества, свои нарушения общей национально-языковой нормы» [Виноградова 1984: 84].

Необычное авторское употребление придает слову или словосочетанию новый оттенок, расширяет область собственно лексического и стилистического употребления единиц, раскрывает заложенные в них скрытые возможности. Употребление окказионализмов становится характерным признаком творчества и современных поэтов и писателей. Так, Г.О. Винокур, исследуя новаторство языка В. Маяковского, утверждал, что оно «не есть продукт одной лишь словесной игры, ... а есть желание уйти от шаблона бессодержательной и условной поэтичности» [Винокур 1943:29].

Изучение авторских неологизмов очень важно не только в плане исследования мастерства писателя, хотя сочетание подлинного мастерства с глубоким знанием законов русского языка и умением тонко чувствовать нюансы значений слов, свойственных только поистине самым талантливым художникам слова, но и с целью создания более полной картины богатства русского языка, его особенностей.

В современной лингвистической литературе в плане изучения русского словотворчества (в том числе и индивидуально-авторских новообразований)

исследователи (Р.Ю. Намитокова) склонны выделить три этана. По мнению О.И. Александровой, история эта прошла «путь от чисто вкусовой оценки опытов в этой области до лингвистического анализа в целом» [Александрова 1972: 8].

Первый этап – литературоведческий, связанный с анализом разных литературных течений начала XX века, с определением их художественной и общественной значимости (1910-1917, 1917-1935 гг.). На этом первом этапе словотворчество рассматривается как проблема прежде всего социальная, мировоззренческая, наконец, литературная – и только потом как лингвистическая [Намитокова 1986: 20].

Второй этап лингвистический. С ним связаны работы и статьи, затрагивающие те или иные вопросы и скорее факты индивидуального словообразования в связи с решением лингвистических проблем, и «прежде всего – лексикографических, лексикологических и особенно словообразовательных (приблизительно 1955-1970 гг.)» [Намитокова 1986:26]. На этом этапе Х.М. Муратова (1977) выделяет три периода в исследовании новообразований в русском языке: первый период, по мнению исследователя, был связан со стремлением выделить новые слова в самостоятельную категорию слов; во второй период происходит дифференциация новых слов на отдельные типы в связи с их неоднородностью; третий период характеризуется интенсивным изучением индивидуального словотворчества. Р.Ю. Намитокова отмечает, что до недавнего времени внимание исследователей было привлечено к словотворчеству отдельных писателей и поэтов следующих временных срезов: 1) эпистолярное наследие второй половины XIX и начала XX века – М.Е. Салтыков-Щедрин, И.С. Тургенев, А.А. Чехов, Ф.М. Достоевский; 2) неологизмы старшего поколения советских поэтов (до 40-х годов) – В. Маяковский, В. Хлебников, С. Есенин, М. Цветаева; 3) речевые новообразования в языке современной литературы – К. Федин, Вс. Иванов, А. Толстой, Н. Асеев.

Л.В. Измайлова считает, что в советской лингвистике интерес к проблеме создания и функционирования окказиональных единиц, их роли в контексте произведений возник в конце 50-х годов и связан с именем Н.И. Фельдман, определившей сущность контекстных новообразований, «слов-самоделок» [Измайлова 1990: 11].

Исследователи изучали вопросы, связанные с причинами возникновения окказиональных образований в языке, определяли признаки окказионализмов, делали предположения об их дальнейшей судьбе.

Причинами возникновения окказионализмов назывались:

– стремление придать слову или словосочетанию стилистический оттенок (Г.О. Винокур);

– желание избежать тавтологии (И.В. Агаронян, О.С. Ахманова);

– попытка подчеркнуть авторское отношение к тому, о чем идет речь (Б.А. Белова).

Здесь подчеркивается оценочная роль окказионализмов;

– стремление своеобразным видом обратить внимание на значение слова (Е.Г. Ковалевская);

– желание создать тонкую игру красок в тексте (Р.Ю. Намитокова);

– неудовлетворенность писателя силой эмоционально-экспрессивной стороны слова (А.Г. Лыков);

– создание эффекта разговорности и преодоления автоматизма восприятия (Е.А. Земская).

Исследователи уточняли терминологический аппарат проблемы окказиональности, давая новообразованиям различные наименования в зависимости от главных признаков. Так новообразования, возникшие с особой стилистической целью, определяются как *авторские неологизмы* (В.А. Звегинцев, Р.Ю. Намитокова), *стилистические неологизмы* (В.Н. Тамахин, Л.В. Щерба), *индивидуальные неологизмы* (Р.Ю. Намитокова), *поэтические новообразования* (М.А. Бакина, Т.В. Пименова, О.М. Чумакова), *речевые новообразования* (Н.А. Богданов, М.А. Петриченко), *контекстуальные образования* (М.С. Малеева), *индивидуально-авторские неологизмы* (О.А. Габинская, В.М. Костюков), *слова-самоделки* (Н.И. Фельдман), *потенциализмы* (Э.В. Кузнецова), *потенциальные слова* (А.И. Смирницкий), *лексические инновации* (О.А. Габинская), *неузואльные образования* (Е. Орлова), *окказионализмы* (Эр. Ханпира), *эгологизмы* (А. Аржанов), *оценочные слова-временки* (В.В. Тимофеева), *речевые инновации* (Е.В. Сенько), *окказиональные слова* (А.Г. Лыков) и т.д.

Третий этап – лингвистический, когда классификация исследованных языковых особенностей литературного произведения действительно переходит «в осмысление их художественной значимости» в произведении [Тимофеев 1959: 241]. Этот этап поставил исследователей непосредственно перед следующими вопросами: 1) что представляет собой словотворчество в системе поэтического языка; 2) каковы функции авторских новообразований в художественных текстах и в поэтической системе отдельных авторов; 3) каково место окказионализмов среди других типов новых слов языка; 4) как влияют взаимоотношения между ними на развитие лексической и словообразовательной системы языка и на язык в целом [Намитокова 1986: 57].

Выделив эти вопросы, Р.Ю. Намитокова делает вывод о том, что для их решения потребуется теоретическое обобщение процессов индивидуального словотворчества, а это станет возможным тогда, когда будет проведен анализ словотворчества отдельных поэтов и писателей в сопоставлении с подобными явлениями в научном стиле и разговорной речи.

1.3. Специфика употребления авторских новообразований.

В современной окказионалистике можно выделить два направления.

Первое – обобщающе-теоретическое. Объектом исследования представителей этого направления являются общие закономерности словотворчества в сфере создания окказионализмов, образованных по индивидуально-авторским (окказиональным), непродуктивным или малопродуктивным языковым моделям, с нарушением системной и эмпирической продуктивности, «внетипно». Материалом исследования в этом случае являются источники самого различного характера: творчество отдельных поэтов и писателей, современная публицистика, разговорная речь. Среди представителей этого направления – Е.А. Земская, А.Г. Лыков, В.В. Лопатин, Эр. Ханпира, Р.Ю. Намитокова, О.И. Александрова, И.С. Улуханов, Н.А. Янко-Триницкая и др.

Второе направление – идиолектное. Объектом исследования в этом случае становятся речевые новообразования, извлеченные методом сплошной выборки из стихотворных произведений какого-либо определенного автора. В этом случае в поле зрения исследователя попадают все речевые новообразования автора, не

зафиксированные нормативными толковыми словарями его эпохи. Для идиолектного направления окказионалистики характерны следующие особенности: использование теоретической базы (включая терминологию и основные приемы анализа), сформированной обобщающе-теоретическим направлением; общая характеристика творчества или языка исследуемого автора; анализ новообразований в словообразовательном и функционально-стилистическом аспектах; анализ новообразований как художественного приема; выводы о частотности использования тех или иных словообразовательных моделей (типов), о соотношении окказиональных и потенциальных слов в словотворчестве, о значимости словотворчества в конкретном идиолекте.

Современная окказионалистика располагает описаниями словотворчества многих писателей (И.Ф. Анненского, М. Волошина, И. Северянина – работы В.В. Виноградова, Ю.В. Самойлова, Л.В. Малянова, Т.Н. Коршуновой; А.А. Вознесенского – работы В.И. Калашникова, Н.А. Геурковой, Е.Г. Синайской, Л.В. Литвиновой; Е.Евтушенко – исследования М.А. Петриченко, В.Н. Хохлачевой, З.К. Шовгеновой, В.П. Тимофеева, О.М. Чумаковой; В.В. Маяковского – труды Эр. Ханпиры, Г.О.Винокура, О.И. Александровой; В. Хлебникова – работы В.П. Григорьева, Д.Б. Масленникова и др.).

Среди работ обобщающе-теоретического плана интерес представляют работы Р.Ю. Намитоковой (1986, 1988), в которых рассматриваются авторские новообразования из сборников современных поэтов (начиная с 50-х годов XX века). В исследовании Р.Ю. Намитоковой (1988) проведен структурно-функциональный анализ авторских новообразований на материале современной русской поэзии и на его основе построена структурно-функциональная типология окказиональных слов, разработана система параметров нестандартности словообразовательной структуры окказиональных слов, проведена систематизация способов собственно окказионального словообразования и формообразования, выявлены основные параметры окказиональных слов, характеризующих идиостиль писателя.

М.Л. Гаспаров отмечает, что для поэзии XX века характерно расширение и размывание значений слов (он называет это явление новым тропом «антиэмфазой»); «из-за этой опоры на новый троп, на антиэмфазу, от традиционной к современной поэтике

меняется само соотношение между обычным языком и поэтическим языком. Там поэтический язык лишь продолжал обычный язык, надстраиваясь над ним добавочным слоем выразительных средств, – здесь поэтический язык противопоставляется обычному, вторгаясь в него иной структурой выразительных средств... В обычном языке слово моно-семизируется контекстом – в поэтическом предложении и целый контекст полисемизируется эстетической изоляцией» [Гаспаров 1996:191].

Таким образом, если для автора динамика изменения важнее результата, то внимание к языку, к пределам его возможностей становится ориентированным не на норму, а на изменение. В связи с этим Л.В. Зубова отмечает: «текст становится серьезным источником изучения истории языка, а история языка помогает во многом понять эти тексты, которые и возникают из внутренних потребностей самого языка» [Зубова 2000:33].

Помимо других вопросов, Л.В. Зубова рассматривает и словообразовательные аномалии в современной поэзии. Многие современные поэты, экспериментирующие с языками, эпатажируют читателя не только темами, изображением «непоэтических» ситуаций, «непоэтической» лексикой, но и намеренно вызывающими грамматическими аномалиями. Категория рода при этом – предмет постоянной языковой рефлексии, языковой игры – прежде всего потому, что она непоследовательно мотивирована в языке и нечетко структурирована на разных участках системы. Л.В. Зубова считает, что наличие вариантов в языке побуждает поэтов не только воспроизводить их, нагружая новыми смыслами, но и создавать новые варианты, распространяя системную аномалию на все более широкий круг лексики. В результате, язык поэзии демонстрирует нам окказиональную родоизменяемость существительных, в какой-то степени приближая современное состояние языка к прошлому [Зубова 2000: 286].

Словотворчество футуристов довольно часто становилось объектом исследования лингвистов. Среди работ последних лет можно отметить труды Д.Б. Масленникова, который исследует новообразования поэтов-футуристов XX века В. Каменского, В. Хлебникова, Н. Асеева и др. Он дает словообразовательную, семантическую и стилистическую характеристику окказионализмов, а также предлагает вариант словаря окказионализмов. Исследователь приходит к выводу, что «хотя «словоновы» футуристов

могут быть как «потенциальными» словами языка, так и собственно окказиональными (индивидуально-авторскими), созданными по образцу конкретного слова (*творяне* (В. Хлебников) – *дворяне*, *могатырь* (В. Хлебников)– *богатырь.*), подавляющее их большинство образовано по продуктивным в современном русском языке словообразовательным моделям» [Масленников 2000: 18-19]. Причем основная масса окказиональных имен существительных, по мнению автора, образована суффиксальным, сложносуффиксальным, префиксально-суффиксальным способами, менее продуктивен – способ сложения.

Д.Б. Масленников также отмечает, что есть особые футуристические способы: «скорнение» («сопряжение корней») и перегласовка.

Для наших дней также характерно использование заимствованных компонентов, калек с иностранных слов. Раньше это не было так ярко выражено. Об этом пишет и А.Д. Юдина в статье «Окказионализмы на страницах периодики» [Юдина 2000: 56-59].

Как один из основных приемов языковой игры рассматривает окказиональность О.А. Аксенова в работе «Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта». Анализируя поэтический язык А. Левина, исследователь отмечает, что его творчество ориентировано прежде всего на разговорную речь, на услышанные, бытующие в речи конструкции и модели, «которые еще не нашли своего отражения в литературе» [Аксенова 1998: 7]. О.А. Аксенова отмечает; что «в основе понимания языковой игры лежит представление о ней как о процессе направленного ассоциативного воздействия на адресата, достигаемого при помощи различных механизмов» [Аксенова 1998:4].

Окказионализмы – это моментальные снимки живой речи. Они свидетельствуют о том, как окружающая нас действительность отражается в общественном сознании, и какова она, эта действительность, в языковом выражении. За последние десять лет общественно-политическая ситуация в нашей стране сильно изменилась. И это не могло не отразиться в новообразованиях на страницах современной поэзии.

Таким образом, изучение новообразований имеет свою историю. Довольно интенсивное пополнение лексики русского языка второй половины XX - начала XXI века обусловило усиление интереса к изучению новообразований, хотя проблемы новых слов привлекали внимание лингвистов в разное время.

В современной окказионалистике можно выделить два направления. Первое – обобщающе-теоретическое. Объектом исследования представителей этого направления являются общие закономерности словотворчества в сфере создания окказионализмов. Второе направление – идиолектное. Объектом исследования в этом случае становятся речевые новообразования, извлеченные методом сплошной выборки из стихотворных произведений какого-либо определенного автора.

Изучение окказионализмов в лингвистике представлено работами И.В. Агаронян, Н.М. Азаровой, О.И. Александровой, М.А. Бакиной, Б.А. Беловой, В.Н. Виноградовой, Г.О. Винокура, О.А. Габинской, В.П. Григорьева, И.Л. Загрузной, Е.А. Земской, И. С.В. Ильясовой, М.У. Калниязова, Р.С. Киселевой, В.В. Лопатина, А.Г. Лыкова, Р.Ю. Намитоковой, А.Г. Оганесян, О.Г. Ревзиной, И.С. Улуханова и др.

Обширное поле для исследований представляет собой языковой материал современности, а также сопоставление его с данными других эпох. Развитие новых направлений в филологии (лингвокультурология, герменевтика и феноменология текста и др.) позволяет постоянно пополнять методологический арсенал неологии.

Глава II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ О. МАНДЕЛЬШТАМА

2.1. Об особенностях языка поэтических текстов О. Мандельштама

Творчество О. Мандельштама давно привлекает к себе внимание читателей и исследователей. При первом знакомстве с поэзией О. Мандельштама обращает на себя внимание особый интерес поэта к культуре: мировой, европейской, русской. Это отразилось в частом использовании историософской лексики. В.С. Баевский подчеркивает «обособленность Мандельштама от остальной поэзии» [Баевский 1994: 214]. Его творчество характеризует «установка на всеохватывающее, органическое видение и понимание мира, восприятие человека в его глубинных исторических корнях» [Поляков 1987:3]. К особенностям поэтического языка стихотворений О. Мандельштама можно отнести пристальное внимание к слову, наличие ассоциаций, интертекстуальности, особую музыкальность на уровне звуковой организации и на уровне композиции стихотворения. О.Э. Мандельштам по-особому относился к слову. Слово у поэта – «звучащая и говорящая плоть», «плоть деятельная, разрешающаяся в событие», реальная, вещная [Мандельштам 1990: 176]. Поэтику О.Мандельштама называют семантической, то есть обращенной к смысловой структуре слова, к смыслу как организующему началу любого произведения. «Осознанное и подчеркнутое обращение языка на сам язык» - определяет не только поэтику О. Мандельштама, но и «акмеизм» как литературное течение, противопоставляя его символизму [Левин, Сегал, Тименчик 2001: 287]. Б. Эйхенбаум отмечает следующую особенность: «Сначала кажется, что он [Мандельштам] говорит о предметах, но потом оказывается, что предметы превращаются в слова...» [Эйхенбаум 1987: 448].

Поэтика О. Мандельштама основана на создании «новых смыслов» – «уникальных, доселе не существовавших семантических комплексов, не укладывающихся в рамки «здорового смысла» [Левин 1998: 51]. Слово по своей природе полисеманлично, и именно это свойство позволяет показать движение смысла, ведущее к появлению новых, необычных смысловых комбинаций. «Поэтическую речь живит блуждающий, многосмысленный корень», – пишет автор в «Заметках о поэзии» [Мандельштам 1990: 208].

Многозначность слова у О. Мандельштама предполагает взаимосвязь составляющих его смысловых элементов. «...Семантика слова как бы образует некий непрерывный ряд, своего рода дорогу, путешествие по которой мы совершаем, произнося это слово», – так характеризует Ю.И. Левин слово в поэтике О. Мандельштама, приводя метафору из «Разговора о Данте» – «...Говорить - значит всегда находиться в дороге» [Левин 1998: 150]. Слово, для поэта, внутренне свободно и независимо от вещи, которую обозначает (хотя и хранит о ней память постоянно): «Разве вещь хозяин слова? Слово - Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела» [Мандельштам 1990: 171]. Подобное понимание природы слова ведет к преобразованию семантической структуры всего текста, в котором слово употребляется, а именно – к созданию «семантической неопределенности», при которой «элементы поэтического текста оказываются...как бы «взвешенными», неприкрепленными», что, в свою очередь, используется для «свободного творения нового смыслового мира» [Левин, Сегал, Тименчик 2001: 295].

О. Мандельштам отмечает, что «любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» [Мандельштам 1990: 223]. Слово в тексте приобретает «новые валентности», позволяющие «сопрягать слова, рассматриваемые обычно как весьма удаленные друг от друга или даже противоположные друг другу в семантическом отношении» [Левин, Сегал, Тименчик 2001: 295-296]. «...Привычные, узаконенные здравым смыслом отношения расшатываются, разрушаются... Возникающие при этом новые, неузуальные отношения... способствуют появлению «новых смыслов» [Левин 1998: 65]. Интертекстуальность – одна из ярких особенностей идиостиля поэта. «Семантические переклички» акцентируют в значениях слов определенные семы, которые, взаимодействуя друг с другом, «образуют новую «тонкую», или «глубинную» структуру, вырастающую из текста, поднимающуюся над ним и снова накладывающуюся на него» [Левин, 1998: 90]. Сквозные темы, сквозные образные параллели как надтекстовые объединяющие категории, выстраивающие свою систему взаимоотношений, позволяют

«вскрыть» в произведении «не только синтагматический ряд, но и ряд парадигматический» [Левин, Сегал, Тименчик 2001: 292], что еще более усложняет смысловую структуру текста. Изучение подтекстов в творчестве О. Мандельштама было начато К. Ф. Тарановским, считавшим, что исследование всех мандельштамовских литературных и культурных источников становится очень важной предпосылкой для более глубокого понимания его произведений. Особенности поэтического слова О.Э. Мандельштама в значительной степени определяются его функционированием в семантическом пространстве интертекста. Наличие межтекстовых связей (цитат, реминисценций, аллюзий) соединяет творчество поэта с целым рядом текстов русской и мировой литературы: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Г.Р. Державина, К.Н. Батюшкова, Е.А. Баратынского, Д.В. Веневитинова, Ф.И. Тютчева, В.Ф. Ходасевича, А. Теннисона, Л. Ариосто, а также авторскими текстами самого О.Э. Мандельштама. Наиболее частотными являются интертекстуальные связи стихотворных текстов с произведениями А.С. Пушкина, что свидетельствует о значительном влиянии наследия А.С. Пушкина на творчество О.Э. Мандельштама.

По наблюдениям исследователей, О.Э. Мандельштаму свойственно мыслить веками, историческими и культурными эпохами: «Способность Мандельштама органично жить в масштабе мировой культуры в целом, смело и непосредственно обретать себя в иных исторических и культурных эпохах, вне зависимости от их национальной прикреплённости, торжествует и в его стихах, где художественный эффект рождается из прозрачности и нечеткости границ, из двоящихся контуров и почти незаметных переходов, из звукового феномена эха» [Свительский 1995:26]. Важнейшим условием понимания текста, по О. Мандельштаму, является необходимость соизмерять «свои интонации с переключками... тематических групп, возникающих ежеминутно на изрытой и всколебленной смысловой поверхности» [Мандельштам 1990: 239].

Семантическая структура любой языковой единицы познается в поэзии О. Мандельштама только в контексте, который не имеет каких-либо временных или пространственных пределов: в его поэтике «гетерогенные элементы текста, разные тексты, разные жанры (поэзия и проза), творчество и жизнь, все они и судьба - все

скреплялось единым стержнем смысла, призванного восстановить соотносимость истории и человека» [Левин, Сегал, Тименчик 2001: 286].

Контекст обуславливает появление сети «семантических переключек» -отношений «между семантически связанными словами (т.е. такими, что их значения содержат хотя бы один общий семантический признак)» [Левин, 1998а; 29]. Важнейшим условием понимания текста, улавливания «призвуков» и «примыслов» является, по Мандельштаму, необходимость соизмерять «свои интонации с переключками... тематических групп, возникающих ежеминутно на изрытой и всколебленной смысловой поверхности» [Мандельштам 1990: 239].

О. Мандельштам не просто цитирует какой-либо текст, а использует такие цитаты, которые уже были неоднократно использованы другими художниками слова, так что они становятся «цитатами цитат». «То, что на одном уровне выступает как авторский текст, на следующем уровне оказывается цитатой, позволяющей установить новые связи, которые по-новому строят все пространство стихотворения, а на еще более глубоком уровне обнаруживается, что цитата с определенной атрибуцией представляет собой цитату цитаты – многостепенное цитирование, объясняющее отчасти взаимоисключающие при первом взгляде отождествления у разных исследователей» [Левин, Сегал, Тименчик, Топоров, Цивьян, 2002: 304]. Примечательна образная формула, с помощью которой О. Мандельштам описывает поэтическую цитацию: «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает» [Мандельштам 1991: 187].

Интертекстуальные связи, выявляемые в пределах одного стихотворения, далеко не всегда ограничиваются только данным стихотворением, а соотносятся с другими произведениями О. Мандельштама, образующими единый поэтический текст. Но при всем многообразии цитации «разные и часто несхожие «голоса» помещаются в такой контекст, который позволяет за чужим словом услышать авторское (согласное или несогласное с этим чужим словом)» [Левин, Сегал, Тименчик, Топоров и Цивьян 2002: 303].

Яркой особенностью творчества поэта является использование звукописи. По

словам Сурата, «...пресловутая мандельштамовская «звукопись» - не формально-эстетская игра, а нечто ей противоположное: как правило, за фонетическими вариациями и повторами стоят у него усилия по выявлению внутренней формы и всех смысловых потенций слова» [Сурат 2004: 154] Данную отличительную черту поэзии О. Мандельштама отмечает И.Бродский: «Мандельштам является поэтом формы в самом высоком смысле слова. Для него стихотворение начинается звуком, «звучащим слепком формы», как он сам называл его» [Бродский 1989: 194].

Сам поэт отмечает, что «поэтическую речь живит блуждающий, многосмысленный корень. Множитель корня – согласный звук, показатель его живучести ... Слово размножается не гласными, а согласными. Согласные - семя и залог потомства языка. Пониженное языковое сознание - отмирание чувства согласной». [Мандельштам 1971: 261]. Этот «многосмысленный корень» словно пропахивает творчество поэта:

Преодолев затверженность природы,

Голуботвердый глаз проник в ее закон,

В земной коре юродствуют породы,

И как руда из груди рвется стон...

(«Восьмистишия», 1934)

У автора это не просто аллитерация, когда два - три слова перекликаются согласными, это скорее именно размножение одного корня «побегами разных слов» [Мандельштам 1971: 264].

Поэзия О. Мандельштама является звукописной. Он чутко улавливает созвучия и «группирует» тесно в одном стихотворении, об этом свидетельствуют как целые стихотворения, начиная от «Нежнее нежного» (сборник «Камень»), до написанного в 1930 году «Лазурь да глина, глина да лазурь». В представлении О. Мандельштама фонетика стиха неразрывно связана с семантикой.

Обостренное чувство звуков русского языка Осип Мандельштам унаследовал от матери. Родился он в 1891 году в Варшаве в еврейской семье. Но поистине родным городом стал для поэта Петербург: здесь он вырос, окончил Тенишевское

училище.

К поэзии его толкнули уроки символиста В.В. Гипплуса, который читал в училище русскую словесность. Затем О. Мандельштам учился на романо-германском отделении филологического факультета университета. Закат символизма predetermined выход на авансцену двух других главных направлений русского модернистского искусства – футуризма (раннего русского литературного авангарда) и акмеизма. В 1911 году молодые поэты образуют "Цех поэтов" - организацию под председательством Н. Гумилёва и С. Городецкого. В 1912 году внутри Цеха поэтов образуется ядро из шести человек, назвавших себя акмеистами. Это были Н. Гумилёв, С. Городецкий, А. Ахматова, О. Мандельштам, М. Зенкевич и В. Нарбут. Определение сущности акмеизма как литературного направления до сих пор представляет собой серьезную проблему, но главным отличием его от остальных модернистских течений в искусстве был вызов духу времени как духу утопии. Противопоставление утопическому духу начала века «архитектурной трезвости», противостояние духу разрушения архитектуры как метафоры культуры выражено в теоретическом манифесте О.Мандельштама 1912 года «Утро акмеизма». «Акмеизм» как течение для О. Мандельштама – «сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия. Любите существование вещи больше самой вещи и своё бытие больше самих себя - вот высшая заповедь акмеизма» [Мандельштам 1971: 275]. Первый сборник стихотворений вышел под названием «Камень». Стихи «Камня» достаточно четко хронологически подразделяются на две группы: собственно ранние (доакмеистические) и периода акмеизма (начиная со времени написания статьи «Утро акмеизма» в 1912 году). Раннего О.Мандельштама больше всего интересуют такие понятия как смерть, страх, одиночество - и способность противостоять им.

Связь с творчеством А.С. Пушкина прослеживается уже на страницах книги «Камень». Петербургская тема у него овеяна «дыханием» пушкинского «Медного всадника»: тут и преклонение перед гением Петра, тут и образ пушкинского Евгения, резко противопоставленный «миру державному», образу предреволюционного, буржуазно-дворянского Петербурга:

Летит в туман моторов вереница,

*Самолюбивый, скромный пешеход,
Чудак Евгений, бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!*

(«Петербургские строфы», 1913)

Проблемы философии языка, в частности вопрос о природе дискурса (речевого «голоса»), находились в центре внимания О. Мандельштама на протяжении всего его творчества. Эти проблемы получили выражение в его ранних статьях об акмеизме и в прозаических работах начала 1930-х годов: «Разговор о Данте» и «Путешествие в Армению».

В мандельштамовских стихотворениях предреволюционного и революционного времени преобладают погребальные тематика и образность («Как этих покрывал и этого убора...», «Мне холодно. Прозрачная весна...», «В Петрополе прозрачном мы умрем...», «Соломинка», «Еще далёко асфodelей...», «На страшной высоте блуждающий огонь...», «Когда в теплой ночи замирает...»). Этот же мотив обреченности варьирует, причудливо сочетаясь с возникшей в «Тристиях» с иудейской темой, стихотворение «Среди священников левитом молодым...», в котором гибель Иерусалима отсылает к концу Петербурга, петербургского периода русской истории.

Спустя год после революции О. Мандельштам пишет стихотворение «Сумерки свободы», где стремится проанализировать произошедшие перемены. Корабль, идущий ко дну, – один из центральных образов стихотворения. Это корабль былой культуры: былого государства, гуманизма, индивидуализма, демократии. «Кипящие ночные воды» символизируют народную стихию, которая выходит из этих вод, превращаясь из носителя революции в носителя власти, принимаемой «в слезах», по исторической необходимости. Образ потерянного забытого слова, символизирующего погибшую культуру, – доминанта стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» – («Ласточка»). Невозвратное слово – ушедшая в небытие культура – отождествляется с лишенной зрения ласточкой с подрезанными крыльями.

Осенью 1922 года в Берлине выходит маленькая книжка новых стихов «Тристии».

О. Мандельштам хотел назвать её «Новый камень». Книга «Tristia» представляет по сравнению с книгой «Камень» принципиально новый этап эстетического развития поэта. Это новая вторая поэтика Мандельштама. В стихотворении «На розвальнях...» тема смерти вытеснила тему любви. В стихах о любимом голосе в телефоне («Твоё чудесное произношение...») являются неожиданные строки: «пусть говорят: любовь крылата, - смерть окрылённое стократ». Тема творчества тесно переплетается с темой смерти в стихотворении «Сестры – тяжесть и нежность...»: жизнь и смерть – это круговорот событий, роза рождается из земли и уходит в землю, а память о своём единичном существовании она оставляет в искусстве.

Стихи первой половины двадцатых годов отмечены стремлением к «опрощению» языка, к «обмирщению» слова, – по языку, образности, жанровым особенностям и поэтическому строю они существенно отличаются от стихов сборника «Tristia». Обновление языка шло у О.Мандельштама в различных направлениях – к предельной простоте, к поистине прекрасной ясности и к неожиданным, «небывалым», усложненным сравнениям и метафорическим конструкциям. Между тем революционные изменения все более властно входили в жизнь страны и народа. Осип Мандельштам, несомненно, чувствовал, что его поэзия, искренняя и эмоциональная, нередко оказывается в стороне от современности. Все больше и больше он задумывается над возможностями и путями преодоления известной отчужденности его поэзии от современной жизни. Нет сомнения в том, что он серьезно думал о языковой «перестройке» своей лирики, о возможностях и путях обновления языка.

В поэзии Мандельштама звучат противоречивые голоса: роковое предчувствие, мужественное приятие «скрипучего руля», и всё более щемящая тоска по ушедшему времени и золотому веку. В первом стихотворении, навеянном февральскими событиями, поэт прибегает к посредству исторического символа: коллективный портрет декабриста, соединяющий черты античного героя, немецкого романтика и русского барина, несомненно, дань бескровной революции:

Тому свидетельство языческий Сенат –

Сии дела не умирают.

Но уже проскальзывает беспокойство за будущее:

Ещё волнуются живые голоса

О сладкой вольности гражданства!

Но жертвы не хотят слепые небеса:

Вернее труд и постоянство.

(«Декабрист», 1917)

В раздумьях о современности у О. Мандельштама - поэта выступает тема острых идейных конфликтов. В стихотворении «1 января 1924» она предстает в форме сильного, драматичного конфликта. Поэт ощущает себя пленником умирающего XIX века, его «больным сыном» с твердеющим в крови «известковым слоем». Он чувствует себя потерянным в современности, вскормившей его – своего ныне «стареющего сына»:

О глиняная жизнь! О умиранье века!

Боюсь, лишь тот поймет тебя,

В ком беспомощная улыбка человека,

Который потерял себя.

(«1 января 1924», 1924, 1937))

На заре нового десятилетия, тридцатых годов, О. Мандельштам ринулся в жизнь. Он совершил путешествие в Армению. Появились цикл стихов об Армении, очерковая повесть «Путешествие в Армению». Многие взволновало в Армении поэта – ее история, ее древняя культура, ее краски и ее камни. Но больше всего обрадовали его встречи с людьми, с народом молодой советской республики.

Поэзия Мандельштама становится в начале 30-х годов поэзией вызова, гнева, негодования:

Пора вам знать, я тоже современник,

Я человек эпохи Москвошвея, -

Смотри, как на мне топорщится пиджак,

Как я ступать и говорить умею!

Попробуйте меня от века оторвать, -

Ручаюсь вам - себе свернете шею!

(«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето», 1931)

В ноябре 1933 года Мандельштамом были написаны стихи против Сталина:

Мы живем, под собою не чуя страны,

Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца,

Там припомнят кремлевского горца...

(«Мы живем, под собою не чуя страны...», 1933)

Последние стихи, написанные до ареста, датируются февралем 1934 года. Новый период поэтического творчества начался примерно через год после ареста, в апреле 1935-го, в Воронеже.

Так называемые «воронежские тетради» (1935-1937) – крупное поэтическое явление. Несмотря на незавершенность, фрагментарность ряда стихотворений, «тетради» представляют нам высокие образцы проникновенной патриотической лирики. Многие из тех благородных мыслей и чувств, которые накапливались и росли в сознании и сердце Мандельштама, получили свое поэтическое воплощение в строках «воронежских тетрадей», остававшихся долгое время, до 60-х годов, неизвестными читателям. В воронежских стихах господствуют мотивы исповедальные, мотивы самораскрытия духовного мира поэта. Но при этом значительно шире, чем прежде, предстают в них черты эпические, черты облика современности, освещенные авторским отношением.

Насколько четче, определеннее, политически конкретнее стали лирические признания поэта:

Я должен жить, дыша и большевая...

(«Стансы», 1935)

Перед лицом обрушившихся на него бед больной поэт сохраняет силу и мужество, чтобы в тех же «Стансах» заявить:

*И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен.
Как «Слово о полку», струна моя туга...*

(«Стансы», 1935)

В марте 1937 года, больной, предчувствующий скорую смерть, поэт писал о своей дружбе с жизнью, о своей преданности людям:

*И когда я умру, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Чтоб раздался и шире и выше
Отклик неба во всю мою грудь!*

(«Заблудился я в небе, - что делать?..», 1937)

Лексическое своеобразие произведений О. Мандельштама отражает индивидуальность языка поэта. Анализ стихотворений показывает, что в них мало обстоятельных слов, выраженных наречиями. Это не случайное явление. О. Мандельштам в раннем творчестве избегает глаголов. Первые стихотворения сборника «Камень» насыщены обращениями, разрастающимися в целые четверостишия («Сусальным золотом горят»), длинными назывными предложениями («Невыразимая Печаль»), безглагольными сказуемыми. Присутствует и стихотворение без единого глагола («Нежнее нежного»). В одних стихотворениях этого цикла действие ускользает в эпитет-причастие:

*Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа...*

или

Мной установленные лары...

В других стихотворениях действие скрывается в существительных:

В сознании минутной силы,

В забвении печальной смерти.

В более поздних стихотворениях глагол появляется, но часто выступает в неопределенной форме, что часто свидетельствует только о возможности действия или придает действию абстрактный характер:

Только детские книги читать,

Только детские думы лелеять,

Все большое далеко развеять,

От глубокой печали восстать.

(Только детские книги читать..., 1908)

В других случаях глагол выступает в форме повелительного наклонения, сообщая только о желательности действия, а не о его совершении:

О пальцы гибкие, начните

Очаровательный урок!

Глаголам часто сопутствует отрицание, не только обычное, показывающее, что действие не совершилось, но и такой прием, как подтверждение одного действия через отрицание другого:

Мы никому не помешали,

Мы не будили спящих слуг

Или

Сегодня ночью, не солгу.

Элемент действия в глаголах в творчестве поэта ослаблен грамматическими или лексическими средствами. Глаголы, выражающие состояние, чувство, восприятие, у О.Мандельштама гораздо многочисленнее, чем глаголы-действия. В большом количестве стихотворений глаголы расположены с особой равномерностью: от одного

глагола на целое четверостишие до одного глагола на стих. Два глагола в одном стихе встречаются едва ли не реже, чем целые безглагольные четверостишия. Равномерным повторением глагола достигается напряженное ожидание действия, и глагольное сказуемое выступает в роли дополнительного ритмического деления, делая особо ощутимым синтаксический ритм внутри стихотворного размера.

На рубеже 20-х годов мир вокруг лирического героя О. Мандельштама уже полон действия, но поэтическое «я» почти исключительно воспринимает, чувствует, понимает. Следует отметить, что глагол в лексике О. Мандельштама отличается наименьшим разнообразием и наиболее нейтрален, его образная окраска минимальна.

Данную тенденцию можно соотнести с особенностями литературного течения – акмеизма, к которому принадлежал О. Мандельштам. Один из основных принципов акмеизма – внимательное отношение к предмету. Поэтому существительное с самого начала занимает в его поэзии «сильную позицию» – преобладает в большинстве его стихотворений.

Можно выделить две большие лексические группы, которые встречаются в поэзии автора: терминология (лингвистическая, архитектурная, музыкальная) и античная мифология. Большое количество слов из этих групп способствует созданию торжественной атмосферы, которой веет от поэзии Мандельштама. Существительное в поэтическом языке является одним из основных носителей образности.

Эпитеты, представлены в поэзии Мандельштама очень широко и ярко: *внимательные закаты, солнечный испуг, Петрополь прозрачный, сухая печка, сумасшедшие скалы, книжная земля, солнце черное, стигийская нежность и др.* В ранних стихотворениях О. Мандельштама преобладают эпитеты-прилагательные. Среди прилагательных у поэта есть несколько любимых, которые он употребляет настолько часто, что они начинают выделяться на фоне однократных или редко повторяемых эпитетов. Это очень произвольный набор слов: *печальный, грубый, неясный, медлительный, деревянный, прекрасный, глиняный, дикий* и несколько других. Несмотря на их частое повторение, они не надоедают читателю, так как их значение меняется от текста к тексту. Это изменение эпитета можно проследить на примере одного

стихотворения «1 января 1924»:

Два сонных яблока у века-властелин

И глиняный прекрасный рот.

(«1 января 1924», 1924, 1937)

Через представление о «веке-властелине» эпитет может получить свое буквальное значение:

Еще немного, - оборвут

Простую песенку о глиняных обидах

И губы оловом зальют.

(«1 января 1924», 1924, 1937)

В данном примере слово *глиняный*, заменяет слово «земной». В строке: «*О глиняная жизнь! О умиранье века!*» встречается эпитет с двойственным значением – «земной» или в значении «хрупкий», как обожженное гончарное изделие. Субъективному представлению читателя дается право выбора.

Следует отметить обилие в текстах О. Мандельштама эпитетов со значением отрицания признака: *небогатый, небывалый, невидимый, невыразимый, невысокий, неживой, нежилкой, недовольный, незвучный, неизбежный, немолчный, ненарушаемый, неожиданный, неостывающий, нерешительный, неторопливый, неузнаваемый, неунывающий, неутоленный, неутолимый, бесшумный», безостановочный.* Особенную силу приобретают данные эпитеты в контексте:

От неизбежного

Твоя печаль,

И пальцы рук

Неостывающих,

И тихий звук

Неунывающих

Речей...

(«Нежнее нежного...», 1909)

Анализ позволяет говорить о том, что довольно часто стихотворение начинается отрицанием: «*Ни о чем не нужно говорить, // Ничему не следует учить*»; «*Она еще не родилась*», «*Быть может, я тебе не нужен*»; «*Нет, не луна, а светлый циферблат*»; «*Я не поклонник радости предвзятой*». В отдельных случаях отрицание, напротив, находится в конце как вывод из всего сказанного:

И думал я: витийствовать не надо.

Мы не пророки, даже не предтечи,

Не любим рая, не боимся ада...

(«Лютеранин», 1912)

Иногда оно логически обосновывает некое «да»:

...Но люблю мою бедную землю,

Оттого, что иной не видал.

(«Только детские книги читать», 1908)

Иногда оно просто наполняет стихотворения:

Никто тебя не проведет

По зеленеющим долинам,

И рокотаньем соловьиным

Никто тебя не позовет, -

Когда, закутанный плащом,

Не согревающим, но милым...

(«Ты улыбаешься кому», 1909)

В более поздних стихотворениях количество эпитетов уменьшается. Увеличивается число разнословных сложений, в которых один из компонентов даёт

определённую характеристику лица или предмета *немец-офицер, век-волкодав*. Возрастает число развёрнутых описаний: *книга звонких глин, медведь - само природы вечный меньшевик*.

Использование метафоры – еще одна отличительная черта поэтических текстов автора. Она организует и «производит» новые смыслы, становится в поэтике О. Мандельштама одним из фундаментальных принципов построения и существования художественной ткани произведения. Образность речи для поэта – это способ отражения мира, путь к его познанию, в основе которого – «чувство глобального изоморфизма «всего всему» в природе» [Левин 1998: 147]: «...Для нашего сознания только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» [Мандельштам, 1967: 83]. О. Мандельштам видел в метафоре «естественный язык поэзии», способный, по его мнению, передавать «порывы, намеренья и амплитудные колебания» [Левин 1998: 153]. Метафора придает тексту высокую смысловую насыщенность поэтическим произведениям.

Образ у поэта – это «выражение иногда трудной, но всегда познаваемой интеллектуальной связи вещей» [Гинзбург 1982: 270], он противопоставляется и символистской «музыке» слов, и «футуристической заумности» [Там же: 270-271].

Ю.И. Левин выделяет три метафорических типа в творчестве поэта: метафору-сравнение (*колоннада рожи*), метафору-загадку (*били копыта по клавишам мерзлым*) и метафору, приписывающую одному объекту свойства другого (*ядовитый взгляд*) [Левин 1965: 293].

Следует отметить редкое употребление гиперболы. Она изредка появляется в поздних стихотворениях, например в «А небо будущим беременно»:

Хотя бы честь млекопитающих,

Хотя бы совесть ластиногих.

Ирония отмечается в отдельных стихотворениях, например, таких, как «А небо будущим беременно», «1 января 1924», «Полночь в Москве».

О. Мандельштам – это истинный мастер сравнения. Интересным представляется

следующий пример:

*Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.*

(«Невыразимая печаль...», 1909)

Образное сравнение, развернутое в целое четверостишие, поражает свежестью и новизной. Не менее оригинально использует автор сравнение в стихотворении «К немецкой речи»:

*Сбежали в гроб ступеньками - без страха,
Как в погребок за кружкой мозельвейна.*

Поэт в своем творчестве часто прибегает к метафоре: *седые пучины мировые, бледно-голубая эмаль* в применении к небу. Сам поэт называл их «запечатанным образом». Даже для раннего периода для О.Мандельштам характерно использование большого количества метафор:

*Я хочу поужинать, и звезды
Золотые в темном кошельке!*

(«Золотой», 1912)

Соединение, синтез тропов – еще одна черта поэтического языка О. Мандельштама, характерная для поэзии XX века в целом. В стихотворениях поэта встречаются образы, не поддающиеся однозначному истолкованию.

*За нас сиенские предстательствуют горы,
У сумасшедших скал колючие соборы
Повисли в воздухе, где шерсть и тишина.*

(«Осень», 1919)

В трех строках, представляющих один развернутый образ, существительные в

сочетании с необычными для них глаголами и эпитетами становятся органичной частью иносказания.

*Прозрачны гривы табуна ночного,
В сухой реке пустой челнок плывет.*

В этом примере носителями образности являются существительные, которые притягивают к себе необычные эпитеты.

*Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг
Свинцовой палочкой молочной,
Здесь созревает черновик
Учеников воды проточной.*

Это четверостишие - один яркий пример «органической поэтики»: каждое слово в нём наполнено особым смыслом, органично вписано в ткань произведения, очень выразительно и дополняет необычные поэтические образы. «Не требуйте от поэзии сугубой вещности, конкретности, материальности, - писал Мандельштам в статье «Слово и культура». - То, что сказано о вещности, звучит несколько иначе в применении к образности... Пиши безобразные стихи, если сможешь, если сумеешь... Стихотворение живо внутренним образом ...который предваряет написанное стихотворение». В этой же статье он заявляет: «По существу нет никакой разницы между словом и образом... Словесное представление - сложный комплекс явлений, связь, «система»...

Как особенность отметим, что О. Мандельштам часто использует в своем творчестве повторение одних и тех же слов. Г. П. Струве отмечает «магическое воздействие» при помощи «упорного, настойчивого повторения отдельных слов», приобретающих в поэзии О.Мандельштама новое, необычное значение. Понятие «магия языка» в применении к поэзии О.Мандельштама является верным определением свойственного ей очаровывающего действия.

2.2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ О. МАНДЕЛЬШТАМА

2.2.1. Имена существительные

Индивидуально-авторские новообразования – имена существительные составляют около 52% всех новообразований в поэзии О. Мандельштама. В словообразовательном отношении имя существительное для О.Мандельштама выступает как предмет экспериментов, поиска смыслов. Языковой материал свидетельствует, что в словообразовании существительных широко представлена суффиксация.

Суффиксальный способ образования. О. Мандельштам активно использует производные модели, образуя существительные от основ имен прилагательных и глаголов.

Существительные с абстрактным значением, как известно, могут обозначать абстрагированное «опредмеченное» качество или признак, состояние, действие и результат действия. Данное значение выражается с помощью определенных словообразовательных формантов.

«Суффикс *-ость* – единственный по существу продуктивный суффикс, регулярно образующий в русском языке нашего времени существительные со значением отвлеченного признака, мотивированные именами прилагательными» [Лопатин 1973: 83]. Наибольшее количество производных со значением отвлеченного признака составляет суффикс *-ость* [Земская 1992:62]. В отличие от узуальных существительных на *-ость* (где они могут обозначать названия лиц – личность, предмета – ведомость, емкость), все новообразования на *-ость* обозначают только абстрактные понятия, что соответствует словообразовательному назначению данного аффикса. Интересным является новообразование, имеющее значение отвлеченного признака и образованное с помощью суффикса – *ост'*:

Нет, не луна, а светлый циферблат

Сияет мне, - и чем я виноват,

Что слабых звезд я осязаю млечность?

(«Нет, не луна, а светлый циферблат», 1912)

*Преодолев **затверженность** природы,
Голуботвердый глаз проник в ее закон.
В земной коре юродствуют породы,
И как руда из груди рвется стон...*

(«Восьмистишия», 1934)

Производные от основ имен существительных. Существительные, имеющие размерно-оценочные значения (уменьшительности) отмечены в анализируемых текстах. Все индивидуально-авторские новообразования с должным значением можно разделить на существительные с уменьшительным и увеличительным значением. По мнению В.В. Виноградова, с помощью аффиксов субъективной оценки «выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок» [Виноградов 1972: 98]. Такие образования приближают текст к разговорной речи, ср.:

*Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом,
К Рембрандту входит в гости Рафаэль.
Он с Моцартом в Москве души не чает –
За карий глаз, за воробьиный хмель.
И словно пневматическую почту
Иль **студенец** медузы черноморской
Передают с квартиры на квартиру
Конвейером воздушным сквозняки,
Как майские студенты-шелапуты.*

(«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето», 1931)

Отмечено, что О. Мандельштам активно использует уменьшительно-ласкательные суффиксы *-ик-*, *-к-*, *-инк-*:

*И мальчик, красный как фонарик,
Своих салазок **государик**
И заправила, мчится вплавь.*

(«Люблю морозное дыханье...», 1937)

*Когда заулыбается дитя
С **развилинкой** и горести и сласти,
Концы его улыбки, не шутя,
Уходят в океанское безвластье.*

(«Когда заулыбается дитя», 1936)

Отмечено новообразование *небрежница*, образованное суффиксальным способом, от прилагательного *небрежная*:

*Но фиалка и в тюрьме: с ума сойти в безбрежности!
Свищет песенка - насмешница, **небрежница**,-
Где бурлила, королей смывая,
Улица июльская кривая...*

(«Я молю, как жалости и милости...», 1937)

Оценочное значение имеют индивидуально-авторские новообразования, созданные, суффиксальным способом. Так существительные с суффиксом *-ищ-* выражают значение увеличительности, например:

*На круговом на мирном **судьбище**
Зарю кровь оледенится.
В беременном глубоком будущем
Жужжит большая медуница.*

(«А небо будущим беременно...», 1923)

*Мне, **автомобилищу**, чего бы не забыть еще?
Вычистили, вымыли, бензином напоили.
Хочется мешки возить. Хочется пыхтеть еще.
Шины мои толстые - я слон автомобилей.*

(«Автомобилище»)

Отсубстантивные существительные с суффиксом *-анк(а)* «имеют основное модифиционное значение лица женского пола» [РГ:200]. Индивидуально-авторское новообразование *европейнка* мотивировано существительным *Европа*:

Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных

*Я убежал к nereидам на Черное море,
И от красавиц тогдашних - от тех **европейнок** нежных -
Сколько я принял смущенья, насады и горя!
С миром державным я был лишь ребячески связан...*

(«Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных...», 1931)

Очевидно, образом для создания данного ИАН послужили слова типа «египтянка».

Префиксально-суффиксальный способ образования. Этим способом образуются существительные на базе сочетаний существительных с предлогами. В составе производного предлог преобразуется в приставку. Производящим является сочетание имени с предлогом. Производные обозначают предметы, соотнесенные в пространственном или временном отношении с тем, что названо производящей основой, например:

*Бывало, я, как помоложе, выйду
В проклеенном резиновом пальто
В широкую **разлапицу** бульваров,
Где спичечные ножки цыганочки в подоле бьются длинном,
Где арестованный медведь гуляет –
Самой природы вечный меньшевик.
И пахло до отказу лавровишней...
Куда же ты? Ни лавров нет, ни вишен...*

(«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», 1931)

Новообразование *разлапица*, образованное от существительного *лапа*, , подчеркивает широту бульваров.

Отмечено новообразование *бездревесность*, образованное суффиксально-префиксальным способом от прилагательного *древесный*. Образованное с помощью суффикса *-ост'* производное слово выражает значение отвлечённого признака:

Быть может, прежде губ уже родился шопот
И в **бездревесности** кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

(«Восьмистишия», 1934)

Суффиксальным способом образуется новообразование *недоразвиток*, обладающее размерно-оценочным значением (уменьшительности):

И тянется глухой недоразвиток

Как бы дорогой, согнутою в рог,

Понять пространства внутренний избыток

И лепестка и купола залог.

(«Восьмистишия», 1934)

Для О. Мандельштама характерно создание слов по непродуктивным моделям. Интересную характеристику дает О. Мандельштам бабочке с помощью ИАН-существительных *жизняночка* и *умиранка*. Они образованы от слов *жизнь* и *умирать*.

О бабочка, о мусульманка,

В разрезанном саване вся,-

Жизняночка и умиранка,

Такая большая - сия!

(«Восьмистишия», 1934)

Интерес представляет ИАН образованные способом резервации. Это производное слово *вежество* (от *невежество*):

Где первородство? где счастливая повадка?

Где плавкий ястребок на самом дне очей?

*Где **вежество**? где горькая украдка?*

Где ясный стан? где прямизна речей,

(«Меня преследуют две-три случайных фразы», 1934)

Сложение. В сфере индивидуально-авторской лексики способ сложения основ весьма активен. Это связано со стремлением автора выразить в поэтическом произведении сложный смысл более компактными языковыми средствами: вместо описательного оборота О.Мандельштам используется одно сложное слово, ёмкое по своей семантике.

Способом чистого сложения с интерфиксами *-о-и-е-* образуются сложные индивидуально-авторские новообразования – существительные, один из компонентов

которых является самостоятельным существительным. В качестве первого компонента О.Мандельштам использует основы имен существительных:

*И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое **небохранилище** –
Раздвижной и прижизненный дом.*

(«Я скажу это начерно, шопотом...», 1937)

Интересным и емким является новообразование *самосогласье*, которое в контексте стихотворения приобретает особый смысл:

*И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин,
И мнимое рву постоянство
И **самосогласье** причин.*

(«И я выхожу из пространства», 1933)

Аналогичным образом создано и новообразование О. Мандельштама «*Москвошвей*». Автор использует его в ироническом контексте, высмеивая усредненного человека:

*Пора вам знать, я тоже современник,
Я человек эпохи **Москвошвей**,-
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать,-
Ручаюсь вам - себе свернете шею!*

(«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето», 1931)

В отдельных контекстах представлены целые серии авторских слов:

*Там, где купальни-бумагопрядильни
И широчайшие зеленые сады,
На реке Москве есть **светоговорильня**
С гребешками отдыха, культуры и воды.*

(«Там, где купальни-бумагопрядильни...», 1932)

В данном примере автором создано разнословное сложение *купальни-бумагопрядильни* и композит *светоговорильня*.

О.Мандельштам часто при образовании сложных имен существительных использует основу *звук*, тем самым подчеркивая важность звуков, которым он уделял особое внимание в своем творчестве:

*Оскорбленный и оскорбитель,
Не звучит рояль-Голиаф –
Звуколюбец, душемутитель,
Мирабо фортепьянных прав.*

(«Рояль», 1931)

*Что, если Ариост и Тассо, обворожаящие нас,
Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз?
И в наказание за гордыню, неисправимый **звуколюб**,
Получишь уксусную губку ты для изменнических губ.*

(« Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...», 1933)

*От сырой простыни говорящая –
Знать, нашелся на рыб **звуконас** –
Надвигалась картина звучащая
На меня, и на всех, и на вас...*

(« От сырой простыни говорящая», 1935)

В поэтическом творчестве О.Мандельштама встречаются ИАН-существительные, одна из частей которых выражена именем числительным:

*Он с нами был, когда, на берегу ручья,
Мы в драгоценный лен субботу пеленали
И семисвечником тяжелым освещали
Ерусалима ночь и час небытия.*

(«Среди священников левитом молодым...», 1917)

*В дни ранней пахоты черна до синевы,
И безоружная в ней зижадется работа –*

Тысячехолмие распахнутой молвы:

Знать, безокружное в окружности есть что-то.

(«Чернозем», 1935)

Зафиксированы разные примеры слов с препозитивным формантом *полу-*:

*А над Невой - посольства **полумира**,*

Адмиралтейство, солнце, тишина!

И государства жесткая порфира,

Как власяница грубая, бедна.

(«Петербургские строфы», 1912)

Что делать вам в театре полуслова

И полумаск, герои и цари?

И для меня явление Озерова –

Последний луч трагической зари.

(Есть ценностей незыблемая скала, 1914)

Звезда с звездой -- могучий стык,

Кремнистый путь из старой песни,

Кремня и воздуха язык,

Кремень с водой, с подковой перстень.

На мягком сланце облаков

Молочный грифельный рисунок –

Не ученичество миров,

*А бред овечьих **полусонок**.*

(«Грифельная ода», 1923, 1937)

Вошь да глушь у нее, тишь да мша, -

Полуспаленка, полутюрьма...

- Ничего, хороша, хороша...

Я и сам ведь такой же, кума.

(«Неправда», 1931)

Мы живем, под собою не чуя страны,

Наши речи за десять шагов не слышны,

*А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются глазища
И сияют его голенища.*

(«Мы живем, под собою не чуя страны...», 1933)

*Ходят рыбы, рдея плавниками,
Раздувая жабры: на, возьми!
Их, бесшумно охающих ртами,
Полухлебом плоти накорми.*

(«Мастерица виноватых взоров», 1934)

Индивидуально-авторские новообразования, образованные способом словосложения, в поэтическом словотворчестве О.Мандельштама составляют большую часть всех новообразований – существительных (71%).

Языковой материал позволяет говорить об активном использовании словосложения, или разнословного сложения. Это помогает автору создать яркий неповторимый образ: *лодочки-гамаки, судьба-цыганка, зрители-шакалы, голос-птица, зверушик-дети, разбойник-Кремль, деревья-бражники, трамвай-ротозей, буквы-негрятя, улицы-пролазы.*

В результате словосложения образуются составные существительные по модели «определяемое + определяющее»:

*На луне - полутьма
И дома опрятней;
На луне не дома –
Просто голубятни;
Голубые дома –
Чудо-голубятни.*

(«...На луне не растет...», 1914)

Чтобы силой или лаской

*Чудный выманить припек,
Время – царственный подпасок –
Ловит слово-колобок.*

(«Как растет хлебов опара...», 1922)

С помощью разнословных сложений автор создаёт яркие художественные образы. Так, составное ИАН-существительное *часы-кузнечик* также построено по аналогичной модели, слово *кузнечик* придает дополнительную характеристику часам, стук которых поэт сравнивает со звуками, исходящими от насекомого:

*Что поют часы-кузнечик,
Лихорадка шелестит
И шуршит сухая печка –
Это красный шелк горит.*

(«Что поют часы-кузнечик...», 1918)

Оригинальным является новообразование *черепаха-лира*. В стихотворении «Черепаха» поэт сравнивает музыкальный инструмент – лиру с черепахой. В античной Греции «лира» – струнный щипковый инструмент, корпус которого часто делался из панциря черепахи. Согласно мифу, лиру изготовил Гермес и обменял ее на коров у Аполлона – покровителя певцов и музыкантов. С тех пор лира стала атрибутом Аполлона. Кроме того, лира – атрибут персонифицированной Поэзии и Эрато – музы лирической поэзии, а иногда Терпсихоры – музы танца и песни. Лира также являлась эмблемой и атрибутом поэта:

*Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва беспалая ползет,
Лежит себе на солнышке Эпира,
Тихонько грея золотой живот.
Ну, кто ее такую приласкает,
Кто, спящую, ее перевернет?
Она во сне Терпандра ожидает,
Сухих перстов предчувствуя налет.*

(«Черепаха», 1920)

В результате словосложения созданы сложные существительные, в которых один из компонентов (или оба) являются новообразованиями. Например, ИАН-существительное *чаинки-шелестинки*:

*Мы, **чаинки-шелестинки**,*

Словно гвоздики звеним.

Хватит нас на сто заварок,

На четыреста приварок:

Быть сухими не хотим!

(«Мы, чаинки-шелестинки...», 1937)

Другие примеры разнословных сложений:

Иди, никто тебя не тронет,

На грудь отца в глухую ночь

Пускай главу свою уронит

Кровосмесительница-дочь.

(«Вернись в смесительное лоно», 1920)

Век мой, зверь мой, кто сумеет

Заглянуть в твои зрачки

И своею кровью склеит

Двух столетий позвонки?

***Кровь-строительница** хлещет*

Горлом из земных вещей,

Захребетник лишь трепещет

На пороге новых дней.

(«Век», 1922)

Полюбил я лес прекрасный,

Смешанный, где козырь - дуб,

В листьях клена перец красный,

*В иглах - **еж-черноголуб.***

(«Стихи о русской поэзии», 1932)

Восстал на царство Короленки

Ионов, Гиз, Авессалом:
- Литературы-вырожденки
Не признаем, не признаем!

(«Баллада о горлинках»)

Зафиксировано авторское слово, объединяющее в разнословное сложение два универба:

Гордятся патриотки-венки
Своим слабительным питьем –
*С лица **Всемирки-Современки***
Не воду пьем, не воду пьем!

(«Баллада о горлинках»)

Примерами ИАН-существительных, образованных сложением могут послужить следующие авторские новообразования:

Интересно новообразования:
В каждой радуются келье
Имябожцы-мужики:
Слово - чистое веселье,
Исцеленье от тоски!

(«И поныне на Афоне...», 1915)

Довольно часто в разнословных сложениях второй компонент выражает характеризующее значение:

Как мертвый шершень возле сот,
День пестрый выметен с позором.
***И ночь-коршунница** несет*
Горящий мел и грифель кормит.
С иконоборческой доски
Стереть дневные впечатленья
И, как птенца, стряхнуть с руки
Уже прозрачные виденья!

(«Грифельная ода», 1923, 1937)

*Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом,
К Рембрандту входит в гости Рафаэль.*

*Он с Моцартом в Москве души не чаёт –
За карий глаз, за воробьиный хмель.*

*И словно пневматическую почту
Иль студенец медузы черноморской
Передают с квартиры на квартиру
Конвейером воздушным сквозняки,
Как майские студенты-шелапуты.*

(«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето», 1931)

Увидела шар,

Шарманка-хрипучка:

- Пойдем на бульвар

За белую тучкой:

И мне веселей,

И вам будет лучше.

(«Шары»)

Отдельные примеры из разнословного сложения свидетельствуют о том, что О. Мандельштам часто прибегает к метафоре:

Бал-маскарад. Век-волкодав.

Так затверди ж назубок:

Шапку в рукав, шапкой в рукав –

И да хранит тебя Бог.

(«Ночь на дворе. Барская лжа...», 1931)

Интересными представляются сложные существительные, в образовании которых участвуют имена собственные:

Тому не быть: трагедий не вернуть,

Но эти наступающие губы –

Но эти губы вводят прямо в суть

Эхила-грузчика, Софокла-лесоруба.

(«Где связанный и пригвожденный стон...», 1937)

*Когда **Психея-жизнь** спускается к теням*

В полупрозрачный лес вослед

За Персефоной,

Слепая ласточка бросается к ногам

С стигийской нежностью и веткою зеленой.

(« Когда Психея-жизнь спускается к теням...», 1920)

Контаминация. В сфере словообразования наблюдается еще один способ объединения основ (или слов). В результате этого образуются слова с уникальной структурой, созданные специально с установкой на словесную игру, каламбур. Интересным способом объединения слов является контаминация, т.е. проникновение первой части (не обязательно морфемы) одного слова в другое и вытеснение из этого другого слова его начала.

По мнению Л.А. Мирошниченко, контаминацию отличают такие признаки, как присутствие морфем или морфемных отрезков производящих слов (их обычно две), возможная интерференция морфемных частей производящих слов, отсутствие четкой членимости [Мирошниченко 1980: 57].

Некоторые индивидуально-авторские новообразования создаются путем контаминированного объединения основы с усеченным концом, а другой – целой основы (или слова), например:

*Озарены луной **ночевья***

Бесшумной мыши полевой;

Прозрачными стоят деревья,

Овеянные темнотой...

(«Озарены луной ночевья», 1909)

Необычным и интересным является новообразование *скукожилье*, (*скука* и *сухожилье*):

Помпоныч, римский гражданин,

Наскучив жить в развратном изобилье

На то имея множество причин,

*Включая старческое слабосилье,
К себе гостей однажды пригласил
И сам себе разрезал скукожилья,
скукожился и дух по ванной испустил.*

(« Помпоныч, римский гражданин...», 1920)

2.2.2. Имена прилагательные

В количественном отношении авторские новообразования – прилагательные немного уступают именам существительным (42%). Роль имен прилагательных в поэтическом тексте трудно переоценить. Они «расцвечивают» текст, делая его неповторимым художественным отражением действительности.

Как отмечает Е.А. Земская, в производстве имен прилагательных связь язык – современность обнаруживается не столь непосредственно. Прилагательные образуются не так активно, как существительные. И это вполне естественно. Мир предметов все время пополняется новыми обозначениями, тогда как мир признаков не растет быстро [Земская 2000: 124].

Префиксально-суффиксальный способ. Префиксально-суффиксальным способом образуются прилагательные на базе именных и глагольных сочетаний. В основу прилагательного кладется сочетание существительного с предлогами. Данным способом образовано ИАН-прилагательное *заресничная (страна)*:

Есть за куколем дворцовым

И за кипенем садовым

Заресничная страна,-

Там ты будешь мне жена.

(«Жизнь упала, как зарница...», 1925)

В поэтическом языке О. Мандельштама встречается ИАН-прилагательное, образованное префиксально-суффиксальным способом, которое дополняет описание природы, вносит необходимые штрихи, которые делают картину более точной и красочной:

*Дол, полный клятв и шопотов каленых,
Тропинок **промуравленных** изгибы,
Силой любви затвержденные глыбы
И трещины земли на трудных склонах...*

(«Восьмистишия», 1934)

Прилагательное *безокружное (что-то)* образовано от существительного *круг* при помощи приставки *без-* и суффикса *-н-* по аналогии с прилагательным *безоружная (работа)*, которое представлено в контексте:

*В дни ранней пахоты черна до синевы,
И безоружная в ней зиждается работа –
Тысячехолмие распахнутой молвы:
Знать, **безокружное** в окружности есть что-то.*

(«Чернозем», 1935)

Способ сложения основ весьма активен в сфере индивидуально-авторской лексики. Как отмечает Е.А. Земская, «способом чистого сложения производятся имена прилагательные, опорный компонент которых является самостоятельным прилагательным. Первый компонент может находиться с опорным в отношении сочинения или подчинения» [Земская 1992:44]. По характеру входящих в состав индивидуально-авторских новообразований компонентов и связи между ними сложные прилагательные можно разделить на группы.

Сложные прилагательные с опорным компонентом – прилогательным. Узуальные прилагательные такого характера имеют словообразовательное значение «относящийся к тому или характеризующийся тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения» [РГ: 323]:

*Разрывы круглых бухт, и хряц, и синева,
И парус медленный, что облаком продолжен,-
Я с вами разлучен, вас оценив едва:
Длинней органных фуг - горька морей трава,
Ложноволосяя, - и пахнет долгой ложью,
Железной нежностью хмелеет голова,*

И ржавчина чуть-чуть отлогий берег гложет...

(«Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...», 1937)

Народу нужен стих таинственно-родной,

Чтоб от него он вечно просыпался

*И **льнянокурою**, каштановой волной –*

Его звучаньем - умывался.

(«Я нынче в паутине световой...», 1937)

С примесью ворона - голуби,

Завороненные волосы.

*Здравствуй, моя **нежнолобая**,*

Дай мне сказать тебе с голоса,

Как я люблю твои волосы

Душные, черноглубые.

(«С примесью ворона - голуби...», 1937)

К прилагательному, уже имеющемуся в языке, в качестве первого компонента могут присоединяться основы разных частей речи. В большинстве случаев в роли нового компонента композитов выступает основы имён прилагательных (реже – наречий):

Не к вам влечется дух в години тяжких бед,

Сюда влачится по ступеням

***Широкопasmурным** несчастья волчий след,*

Ему ж вовеки не изменим.

(«Люблю под сводами седья тишины...», 1991, 1922)

*Петух и лев, **широкохмурый***

Орел и ласковый медведь

Мы для войны построим клеть,

Звериные пригреем шкуры.

А я пою вино времен –

Источник речи италийской,-

И в колыбели праарийской

Славянский и германский лен!

(«Зверинец», 1916, 1935)

*На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко!
Чтобы двойка конвойного времени парусами неслась хорошо.
Сухомятная русская сказка, деревянная ложка, ау!
Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?*

(«День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток.», 1935)

*И за полем полей поле новое
Треугольным летит журавлем,
Весть летит **светопыльной** обновой,
И от битвы вчерашней светло.*

(«Стихи о неизвестном солдате», 1937)

*На доске малиновой, червонной,
На кону горы **крутопоклонной**, -
Втридорога снегом напоенный,
Высоко занесся санный, сонный, --
Полу-город, полу-берег конный,
В сбрую красных углей запряженный,
Желтою мастикой утепленный
И перегоревший в сахар жженный.*

(«На доске малиновой, червонной...», 1937)

*Вполоборота, о, печаль,
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль.*

(«Ахматова», 1914)

ИАН-прилагательное *остроласковый* (лавр) создано на базе оксюморонного сочетания слов:

*Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое разорвите*

Вы на синего звона куски...

(«Заблудился я в небе - что делать?», 1937)

ИАН-прилагательное *голуботвердый* несколько раз используется автором в поэтическом тексте. Очевидно, это связано с тем. Что авторское слово позволяет поэту в создании особого поэтического образа:

*Преодолев затверженность природы,
Голуботвердый глаз проник в ее закон.
В земной коре юродствуют породы,
И как руда из груди рвется стон...*

(«Восьмистишия», 1934)

Новообразование создано путем сложения основ двух узуальных прилагательных с интерфиксом -о-:

*Запутанных, как честные зигзаги
У конькобежца в пламень голубой,-
Морозный пух в железной крутят тяге,
С голуботвердой чокаясь рекой.*

(«Меня преследуют две-три случайных фразы...», 16 января 1934)

Производящей базой ИАН могут служить различные глагольные формы:

*О, горбоносых странников фигурки!
О, средиземный радостный зверинец!
Расхаживают в полотенцах турки,
Как петухи у маленьких гостиниц.
Везут собак в тюрьмоподобной фуре,
Сухая пыль по улицам несется,
И хладнокровен средь базарных фурий
Монументальный повар с броненосца.*

(«Феодосия», 1919)

*Вдали якорей и трезубцев,
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех жизнелюбцев,*

Всех казнелюбивых владык.

(«Ты красок себе пожелала...», 1937)

*И, если в ледяных алмазах
Струится вечности мороз,
Здесь – трепетание стрекоз
Быстроживущих, синеглазых.*

(«Медлительнее снежный улей...», 1910)

Сложные прилагательные с опорным компонентом – числительным частотны в поэтическом языке О. Мандельштама. Поэт большое внимание уделяет в своем творчестве числу, использование «магии чисел» находит отражение и в авторском словообразовании.

*Река Москва в **четырёхтрубном** дыме
И перед нами весь раскрытый город:
Купальщички-заводы и сады
Замоскворецкие. Не так ли,
Откинув палисандровую крышку
Огромного концертного рояля,
Мы проникаем в звучное нутро?
Белогвардейцы, вы его видали?
Рояль Москвы слышали? Гули-гули!*

(«Сегодня можно снять декалькомании...», 1931)

*Исполню дымчатый обряд:
В опале предо мной лежат
Морского лета земляники –
Двуискренние сердолики*

(«Исполню дымчатый обряд...», 1935)

*Земля бежит наверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной
Семипалатной простоты.*

(«Пластинкой тоненькой жилета...», 1936)

*Там, где с розой на груди в двухбашенной испарине
Паутины каменеет шаль,
Жаль, что карусель воздушно-благодарная
Оборачивается, городом дыша...*

(«Я молю, как жалости и милости...», 1937)

***Тысячеструйный** поток –
Журчала весенняя ласка.
Скользнула-мелькнула коляска,
Легкая, как мотылек.*

(«Тысячеструйный поток...», 1912)

*И военной грозой потемнел
Нижний слой помраченных небес,
Шестируких летающих тел
Слюдяной перепончатый лес.*

(«Ветер нам утешенье принес...», 1922)

*Сквозь эфир **десятичноозначенный**
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число опрозраченный.
Светлой болью и молью нулей.*

(«Восьмистишия», 1934)

Отмечены авторские слова с препозитивным формантом *полу*:-

*Пластинкой тоненькой жилета
Легко щетину спячки снять:
Полуукраинское лето
Давай с тобою вспоминать.*

(«Пластинкой тоненькой жилета...», 1936)

Любимым цветом у Мандельштама является черный цвет, а среди слов, обозначающих яркость и насыщенность цвета без указания на основной тон, также лидируют слова со значением «темный», «мутный», «сумрачный», «тусклый». Очевидно

это связано с тем, что в поэтических текстах

О. Э. Мандельштама воплощается

трагическая направленность мировосприятия художника слова, ср.:

*И не рисую я, и не пою,
И не вожу смычком **черноголосым**:
Я только в жизнь впиваюсь и люблю
Завидовать могучим, хитрым осам.*

(«И не рисую я, и не пою...», 1937)

*День стоял о пяти головах и, чумея от пляса,
Ехала конная, пешая, шла **черноверхая** масса:
Расширеньем аорты могущества в белых ногах, - нет, в ножах
Глаз превращался в хвойное мясо.*

(«День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток», 1935)

***Чернопахотная** ночь степных закраин
В мелкобисерных иззябла огоньках.
За стеной обиженный хозяин
Ходит-бродит в русских сапогах.*

(«Я живу на важных огородах...», 1935)

Авторское слово *черноречивое* (молчание), созданное сложно-суффиксальным способом по образцу прилагательного *красноречивое* (перен. «Выразительно передающее какое-либо чувство или настроение»; перен. «Ясно о чем-либо свидетельствующее, убедительное») [МАС – с. 160] семантически ориентирован на оба переносные лексико-семантические варианта и на сему «черного цвета». Данное ИАН реализует сразу несколько значений:

*Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте!
Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен, глазаст.
Черноречивое молчание в работе.*

(«Чернозем», 1935)

Разнословное сложение. Прилагательные этой группы в поэтической речи немногочисленны. В качестве слов для сложения могут выступать имена

прилагательные. В нашем материале отмечено новообразование *скучные-нескучные*. Прилагательное образовано на основе сочинительной конструкции *скучные + нескучные*. Автор «играет» со словом и его значением:

*Эта слабогрудая речная волокита,
Скучные-нескучные, как халва, холмы,
Эти судоходные марки и открытки,
На которых носимся и несемся мы.*

(«Там, где купальни-бумагопрядильни...», 1932)

*Дутые-надутые шары-пустомели
Разноцветным облаком на ниточке висели,
Баловали-плавали, друг друга толкали,
Своего меньшого брата затирали.*

(«Шары», 1926)

*Народу нужен стих таинственно-родной,
Чтоб от него он вечно просыпался
И льнянокудрюю, каштановой волной –
Его звучаньем - умывался.*

(«Я нынче в паутине световой...», 1937)

*Карающего пенья материк,
Густого голоса низинами надвинься!
Богатых дочерей дикарско-сладкий лик
Не стоит твоего - праматери - мизинца.*

(«Я в львиный ров и в крепость погружен...», 1937)

*Смутно-дышащими листьями
Черный ветер шелестит,
И трепещущая ласточка
В темном небе круг чертит.*

(«Смутно-дышащими листьями...», 1911)

О. Мандельштам использует и оксюморонное сочетание слов:

Протекает по улицам пышным

*Оживленья ночных похорон;
Льются мрачно-веселые толпы
Из каких-то божественных недр.*

(«Когда в теплой ночи замирает...», 1918)

2.2.3. ИАН – глаголы

Анализ языкового материала показал, что О. Мандельштам создает лишь единичные индивидуально-авторские новообразования – глаголы (4%). Анализ стихотворений свидетельствует о том, что особенно в раннем творчестве поэт избегает данной части речи. В более поздних стихотворениях глагол появляется чаще, но выступает в неопределенной форме, что свидетельствует только о возможности действия или придает действию абстрактный характер.

В других случаях глагол выступает в виде повелительного наклонения, сообщая только о желательности действия, а не о его совершении. В большом количестве стихотворений глаголы расположены с особой равномерностью: от одного глагола на целое четверостишие до одного глагола на стих. Два глагола в одном стихотворении встречаются едва ли не реже, чем целые безглагольные четверостишия. Равномерным повторением глагола достигается напряженное ожидание действия, и глагольное сказуемое выступает в роли дополнительного ритмического деления, делая особо ощутимым синтаксический ритм внутри стихотворного размера. Данная тенденция объяснима литературным течением – акмеизмом, к которому принадлежал О. Мандельштам. Один из основных принципов акмеизма - внимательное отношение к предмету. Поэтому существительное с самого начала занимает в его поэзии «сильную позицию» - преобладает в большинстве его стихотворений.

При образовании глаголов в различной степени продуктивны три морфологических способа словообразования: префиксальный, суффиксальный и суффиксально-префиксальный.

Префиксальный способ. Единичные ИАН-глаголы в нашем материале образованы при помощи приставки, например:

Не жеребенок

Хвостом махает –

Яша ребенок

Снова играет.

Яша, играйте

Лучше ребенка

И жеребенка

Перебрыкайте!

(«Яша ребенок...», 1934)

Суффиксальный способ. Отдельные индивидуально-авторские новообразования – глаголы, представленные в нашем материале, образуются суффиксальным способом по продуктивным языковым моделям. Суффиксальные глаголы образуются при помощи суффикса *-и-*, обозначают действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным. Данный словообразовательный тип имеет широкие деривационные возможности и является высокопродуктивным в системе глагольного образования.

В Европе холодно. В Италии темно.

Власть отвратительна, как руки брадобрея,

*А он **вельможится** все лучше, все хитрее*

И улыбается в крылатое окно –

(«Ариост», 6 мая 1933)

Суффиксально-префиксальный способ образования глаголов более продуктивен в творчестве О. Мандельштам. И интересным и емким является ИАН-глагол *беспамятствует*:

Не слышно птиц. Бессмертник не цветет,

Прозрачны гривы табуна ночного.

*В сухой реке пустой челнок плывет,
Среди кузнечиков **беспамятствует** слово.*

(«Ласточка», 1920)

Обращают на себя внимание необычностью структуры и семантики индивидуально-авторские новообразования *настраживает* и *зазябливает*:

*И все-таки, земля - проруха и обух.
Не умолить ее, как в ноги ей ни бухай:
Гниющей флейтою **настраживает** слух,
Кларнетом утренним **зазябливает** ухо...*

(«Чернозем», 1935)

В нашем материале отмечен ИАН-глагол, образованный при помощи приставки *о-* и суффикса *-и-* от имени существительного *чума*:

*Еще стрижей довольно и касаток,
Еще комета нас не **очумила**,
И пишут звездоносно и хвостато
Толковые, лиловые чернила.*

(«Еще мы жизнью полны в высшей мере», 1935)

В поэтическом языке О. Мандельштама представлены индивидуально-авторские новообразования - глаголы, образуемые префиксально-суффиксально-постфиксальным способом:

*На круговом на мирном судьбище
Зарю кровь **оледенится**.
В беременном глубоком будущем
Жужжит большая медуница.*

(«А небо будущим беременно...», 1923)

Интересным и емким представляется нам новообразование *большевее*. Это необычная глагольная форма, образованная на базе прилагательного (с пропуском глагола):

*Проклятый шов, нелепая затея
Нас разлучили, а теперь - пойми:*

Я должен жить, дыша и большевая

И перед смертью хорошея –

Еще побыть и поиграть с людьми!

(«Стансы», 1935)

Чтобы создать определенный яркий образ, поэт нередко использует глагольные формы. В отдельных случаях представлены целые ряды авторских глагольных форм:

И прадеда скрипкой гордился твой род,

От шейки ее хорошея,

И ты раскрывала свой аленький рот,

Смеясь, итальянся, русея...

(«Возможна ли женщине мертвой хвала?», 1936)

Идут года железными полками,

И воздух полн железными шарами.

Оно бесцветное - в воде железясь,

И розовое, на подушке грезясь.

(«Идут года железными полками...», 1937)

Значение ИАН – глаголов иногда очень трудно определить однозначно. Только вдумчивое чтение позволяет предположить, какие смысловые оттенки поэт хотел выразить тем или иным словом.

2.2.4. Наречия

Индивидуально-авторские новообразования – наречия единичны в нашем материале (2%).

Аффиксальные наречия образуются от прилагательных, причастий, наречий, числительных, существительных и глаголов. Кроме того, наречия могут быть образованы способом словосложения, но в нашем материале новообразования-наречия встречаются крайне редко.

Высокопродуктивны в поэзии О.Мандельштама наречия, образуемые с помощью суффикса *-о(-е-)* от прилагательных (в большинстве случаев относительных, употребленных в качественном значении). Реже такие наречия образуются от причастий. Это в целом соответствует общеязыковой тенденции образований наречий.

Наречия с суффиксом *-о(-е)* в современном русском языке совмещают в своем значении присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением наречия как части речи [РГ: 398].

В нашем материале отмечены следующие новообразования:

Еще стрижей довольно и касаток,

Еще комета нас не очумила,

И пишут звездоносно и хвостато

Толковые, лиловые чернила.

(«Еще мы жизнью полны в высшей мере», 1935)

*Нам **союзно** лишь то, что избыточно,*

Впереди - не провал, а промер,

И бороться за воздух прожиточный –

Это слава другим не в пример.

(«Стихи о неизвестном солдате», 1937)

Представлены ИАН-наречия образа и способа действия:

Жил Александр Герцович,

Еврейский музыкант, -

Он Шуберта наверхивал

Как чистый бриллиант.

И всласть, с утра до вечера,

*Заученную **вхруст**,*

Одну сонату вечную

Твердил он наизусть.

(«Жил Александр Герцович...», 1935)

Таким образом, анализ ИАН позволяет сделать следующие выводы. В поэтическом творчестве О.Мандельштам использует разнообразные деривационные модели, хотя

сложение среди индивидуально-авторских новообразований существительных и прилагательных является наиболее ярким способом словообразования. О.Мандельштам довольно часто использует продуктивные словообразовательные модели. Таблица 2 подтверждает наш вывод о том, что большая часть индивидуально-авторских новообразований образуется по продуктивным в языке словообразовательным моделям.

Анализ фактического материала, извлеченного из ряда поэтических сборников О.Мандельштама показал, что индивидуально-авторские новообразования образуются в пределах четырех важнейших частей речи: имени существительного, имени прилагательного, глагола и наречия (52% всех индивидуально-авторских новообразований составляют имена существительные, 42% – имена прилагательные, 4% – глаголы, 2% – наречия).

В поэтических текстах продолжают активно «действовать» следующие наиболее продуктивные словообразовательные модели: среди существительных: 1) «основа сущ. + суффикс *-ец-*»; 2) «основа сущ. + суффикс *-к-*»; 3) «основа прилагательного + суффикс *-ост'-*»; среди прилагательных: 2) «основа сущ. + суффикс *-н-*»; 2) «основа сущ. + суффикс *-к-*». Образованные по продуктивным типам ИАН в отдельных случаях создаются с нарушением формально-семантических ограничений.

Среди способов словообразования О.Мандельштам особенно широко и ярко используют сложение (см. таб. 2). Особенностью сложных авторских новообразований является расширение диапазона их функционирования в пределах традиционных частей речи – существительных и прилагательных.

Таблица 1

Процентное соотношение ИАН в творчестве О. Мандельштама:

Части речи	Имя существительное	Имя прилагательное	глагол	наречие
%	52%	42%	4%	2%

Таблица 2

Продуктивные способы образования ИАН

Заключение

Части речи	суффиксальны й	префиксальн ый	префиксально - суффиксальн ый	сложение	
				Чистое сложение, сложение	Разнословное сложение
Имя существительное	12%	6%	4%	40%	38%
Имя прилагательное	-	-	29%	47%	24%
Глагол	33%	32%	35%	-	-
Наречие	70%	30%	-	-	-

Индивидуально-авторские новообразования О.Мандельштам представляют собой тот фактический материал, который обнаруживает закономерности словообразовательной системы и ее ресурсы, отражает основные тенденции ее развития. Художники слова наиболее чувствительны к изменениям, которые происходят в языке.

Появление новых лексических единиц обусловлено как экстралингвистическими причинами (расширением социально-экономических и культурных связей страны), так и собственно лингвистическими (в частности, тенденцией к экономии языковых усилий, повышением экспрессивного потенциала языка и т.д.). При этом значение, структура, причины появления, отношение к языку и речи и ряд других параметров не являются одинаковыми для всех новых слов. Особое место среди них занимают индивидуально-авторские новообразования. Создание ИАН чаще всего можно объяснить стилистическими задачами, так как каждое авторское новообразование выполняет определенную функцию в тексте, усиливая впечатление от него.

Анализ языкового материала, извлеченного из поэтических сборников О.Мандельштама, позволяет сделать следующие выводы.

Индивидуально-авторские новообразования образуются в пределах четырех важнейших частей речи: имени существительного (52%), имени прилагательного (42%), глагола (4%) и наречия (2%). Более половины всех индивидуально-авторских новообразований составляют имена существительные, что в общем соответствует общезыковой тенденции (субстативы считаются «самой неогенной» частью речи). О.Мандельштам создает лишь единичные индивидуально-авторские новообразования – глаголы и наречия.

Ведущими в образовании индивидуально-авторских слов в поэтических текстах О. Мандельштама являются следующие способы: сложение – 50%, суффиксация – 30%, префиксация – 10%.

Структура авторских новообразований в большинстве случаев полностью соответствует структуре узуальных слов. О.Мандельштам довольно часто использует продуктивные словообразовательные типы и творчески расширяет сферы их действия.

Извлечённые из поэтических текстов ИАН позволяют заключить, что автор использует разнообразные деривационные модели, хотя следует отметить, что сложение является ярким и излюбленным способом словообразования в его творчестве. Особенностью сложных авторских новообразований является расширение диапазона их функционирования в пределах традиционных частей речи – существительных и прилагательных.

В поэтических текстах продолжают активно действовать следующие наиболее продуктивные словообразовательные модели: среди существительных: среди существительных: 1) «основа сущ. + суффикс *-ец-*»; 2) «основа сущ. + суффикс *-к-*»; 3) «основа прилагательного + суффикс *-ость-*»; среди прилагательных: 2) «основа сущ. + суффикс *-н-*»; 2) «основа сущ. + суффикс *-к-*». Образованные по продуктивным типам ИАН часто создаются с нарушением формально-семантических ограничений.

Выявленные закономерности в словотворчестве О. Мандельштама во многом объясняются принципами литературного течения - акмеизма, к которому относил себя

поэт. Автор расширяет семантический потенциал поэтического слова, часто за счет смысловых переключек.

Анализ нашего материала, позволяет сделать вывод о том, что основными художественными функциями ИАН в поэтических текстах О. Мандельштама являются:

1) усиление выразительности словесных образов и их эмоционального воздействия на читателя;

2) участие в выражении идейного содержания и эмоционального настроения стихотворения, а также авторских оценок, взглядов и чувств;

3) расширение семантической структуры словесного образа за счет ассоциативных связей;

4) создание индивидуально-авторских поэтических образов.

Экспрессивность многих индивидуально-авторских новообразований – существительных создается в результате сложения основ. В поэзии О. Мандельштама новообразования выражают разнообразную палитру авторских эмоций и чувств. Стилистический эффект иронии и сатиры создается во многих индивидуально-авторских новообразованиях – существительных, образованных с помощью сложения. Например, новообразование «*Москвошвея*» удачно подчеркивает общий тон стихотворения, внося в поэтический текст особый стилистический эффект иронии. Автор использует его в ироническом контексте, высмеивая усредненного человека:

*Пора вам знать, я тоже современник,
Я человек эпохи **Москвошвея**,-
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать,-
Ручаюсь вам - себе свернете шею!*

(«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето», 1931)

В результате сложения образуются слова с уникальным значением, часто созданные с установкой на словесную игру:

*С примесью ворона - голуби,
Завороненные волосы.*

*Здравствуй, моя нежнолобая,
Дай мне сказать тебе с голоса,
Как я люблю твои волосы
Душные, черноглубые.*

(«С примесью ворона - голуби...», 1937)

*Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое разорвите
Вы на синего звона куски...*

(«Заблудился я в небе - что делать?», 1937)

В словотворчестве О. Мандельштама активно используется сложение, один из компонентов которого является числительным. О.Мандельштам с особым вниманием относится к использованию в своем творчестве чисел.

Особенностью словотворчества О. Мандельштама можно считать использование препозитивного форманта *полу-*:

*Вошь да глушь у нее, тишь да мша, -
Полуспаленка, полутюрма...
- Ничего, хороша, хороша...
Я и сам ведь такой же, кума.*

(«Неправда», 1931)

Мировосприятие Мандельштама, одним из способов выражения которого являются авторские слова, можно назвать амбивалентным. С одной стороны, поэт любит окружающим миром, наслаждается его красотой, а с другой - осмысление действительности приводит к тому, что она воспринимается Мандельштамом как нечто пугающее, вызывающее тревогу, заставляющее грустить. Оригинальность стиля поэта выражается в словотворчестве, в основе которого поиск в значениях привычных слов особых оттенков смысла. Поэтому Мандельштама, по словам С. Аверинцева, «так заманчиво понимать - и так трудно толковать» [Аверинцев: 378].

Используемая литература

1. Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // О. Мандельштам. Сочинения. Т. 1. М., 1990. – с.5-64.
2. Аверинцев С.С. Конфессиональные типы христианства у раннего Мандельштама // Слово и судьба. - 1991. – с.287-298.
3. Аверьянова А. Д. Как рождаются слова. - М.: Наука, 1979. – 71 с.
4. Александрова О. И. Поэтические неологизмы начала 20 века // Русская речь. - 1974. - №1. - с.42-46.
5. Андреева Н.Д., Зиндер Л.Р. О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности языка // Вопросы языкознания, 1963. - №3. - с.15-21.
6. Амелин Г., Мордерер В. Миры и столкновенья Осипа Мандельштама [рецензия] // Новое литературное обозрение. - 2001. - № 52 (6). - с. 423-424.
7. Бакина М.А. Новообразования в современной поэзии // Русская речь. – 1975 - №2. - с.8-15.
8. Бакина М.Л. Словотворчество // Языковые процессы современной русской литературы. Поэзия. - М.: Наука, 1977. - с. 78-127.
9. Берковский Н.Я. О прозе Мандельштама // Берковский Н.Я. Мир, создаваемый литературой. М., - 1989. - с.286-305.
10. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. - М.: Наука, 1973. – 224 с.
11. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. – М.: Наука, 1963., Т. 1-2.
12. Будагов Р.А. Язык – реальность - язык. - М.: Наука, 1983. – с. 254.
13. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. - М.: Просвещение, 1959.
14. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. -М.:Высшая школа, 1972. - 414с.

- 15.Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. - М., 1975. - 371с.
- 16.Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Наука, 1984.
- 17.Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. - М.: Наука, 1959. - 451с.
- 18.Винокур Г.О. О языке художественной литературы. - М.: Высшая школа, 1991. – 248 с.
- 19.Винокур Г.О. Маяковский - новатор языка. - М.: Советский писатель, 1943. - 136с.
- 20.Волков С.С., Селько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития. Новые слова и словари новых слов. - Л.: Наука ЛО, 1983. -с.101-120.
- 21.Габинская О.А. Типология причин словотворчества. - Воронеж: Изд-во: Воронежского университета, 1981. - 152с.
- 22.Гак В.Г. Новые слова и словари новых слов. - Л.: Наука, 1983. - с.15-29.
- 23.Гаспаров Б.М. Труд и постоянство в поэзии Мандельштама // Слово и судьба. - 1991. - с.371-388.
- 24.Гаспаров М.Л. Владимир Маяковский // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. - М.: Наука, 1995. - с. 364 -395.
- 25.Гаспаров М.Л. Лингвистика языкового существования. - М.: Высшая школа. - 1996. - с.345.
- 26.Гаспаров М.Л. Избранные статьи. - М.: Новое литературное обозрение. -1995. – с.334.
- 27.Гинзбург Л. Я. Поэтика ассоциаций //Известия АН СССР Сер. Литературы и языка. - 1972. - №4. - с.321-322.
- 28.Гинзбург Л. Я. Поэтика О. Мандельштама // Гинзбург Л. Я. О лирике. - М.: Флинта, 2000. - с.244.
- 29.Горшков А.И. Неологизм // Русский язык: Энциклопедия. - М.: Советская энциклопедия, 1979. - с.159.
- 30.Григорьев В.П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. -М.: Высшая школа, 1979. – с.346.

31. Гумбольдт В.О. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человеческого рода // Избранные труды по языкознанию. - М.: Наука, 1984. - 371с.
32. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Высшая школа, 1985.
33. Ермакова О.Г. Лексическое значение производных слов в русском языке. - М.: Знание, 1984. - 151с.
34. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца 20 столетия. - М.: Наука, 1996. – 364 с.
35. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. - М.: Высшая школа, 1992. – 220с.
36. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. - М.: Просвещение, 1973. - 304с.
37. Зорин А. Легализация обценной лексики и ее последствия // Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература. - М.: Ладомир, 1994.
38. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. - М.: Academia, 2000. – 544 с.
39. Зубова Л.В. Прошлое, настоящее и будущее в поэтике Тимура Кибирова // Литературное обозрение, 1998. - № 1. - с. 24-28.
40. Иванов Г.В. Осип Манделштам // Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. - М.: Художественная литература, 1994. - Т. 3. - с. 619.
41. Измайлова Л.В. Индивидуально-авторские образования (окказионализмы) в романе М.Шолохова «Тихий Дон». Автореферат дисс. ... канд. фил. н. – Ростов-на-Дону, 1990
42. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. – М.: Наука, 1991. – 57 с.
43. Касьянова В.М. Новое время – новые времена // РЯШ. 1987. - №5. - с.5-7.
44. Костомаров В.Г. языковой вкус эпохи // РЯШ. -1998. - №1. - с.11-13.
45. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. - Л.: Наука, 1978.
46. Красильникова Е.В. Инвентарь морфем // Способы номинации в современном русском языке. - М.: Наука, 1982. – 240 с.

47. Крысин Л.П. О состоянии русского языка // Русская речь. - 1992. - №4. - с.15-17.
48. Лекманов О. На подступах к стихотворению О. Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. - 2001. Т. 60, № 1. - с. 62-65.
49. Левин Ю.И. Заметки о поэтике О. Мандельштама // Слово и судьба. - 1991. - с.350 - 371.
50. Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Левин Ю.И. Избранные труды. - М.:Наука, 1998. - с.457-464.
51. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта: Материалы науч. конф. - М.: 2001. - с.47-82.
52. Лопатин В.В., Улуханов И.О. О старом и новом слове // Наша речь. - М.: Знание, 1965. - 112с.
53. Лопатин В.В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. - М.: Наука, 1973. - 152с.
54. Лопатин В.В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные словообразования. - М.: Наука, 1973.
55. Лыков А.Г. Можно ли окказиональное слово называть неологизмом? // РЯШ. 1972. - №2. - с.85-89.
56. Лыков А.Г. Современная русская лексикология: (русское окказиональное слово). - М.: Высшая школа, 1976.
57. Лыков А.Г. Окказионализмы и норма // Грамматика и норма. - М.: Наука, 1977. - 344 с.
58. Лыков А.Г. Русское окказиональное слово. - М.: Наука, 1972. - 256 с.
59. Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2-х т. / Сост. П.М. Нерлер Т. 1-2. - М.: Художественная литература, 1990.
60. Мандельштам О.Э. Собраний сочинений: в 4-х т. - М.: Арт-бизнес-центр / Под ред. Г.П.Струве и Б.А.Филлипова. - М.:Терра, 1991.
61. Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2-х т. / Вступительная статья С. Аверинцева. - М.: Художественная литература, 1990.

- 62.Мандельштам О.Э. Утро акмеизма // Мандельштам О.Э. Слово и культура: Статьи. М., 1987.
- 63.Мандельштам О.Э. Сб. Четвертая проза. Шум времени. - СПб.: Интерпринт, 1991. - с.124.
- 64.Мочульский К. Проза Мандельштама // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. Статьи. - М.: Лира, 1998. - с.512-515.
- 65.Намитоква Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. – Ростов Н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 160с.
- 66.Нерлер П. Отголоски шума времени // Вопросы литературы -1991- №1. -с.32-68.
- 67.Нефляшева И.А. Новообразования в газетно-публицистическом стиле. Автореферат дисс. ... канд. фил. н. – Майкоп, 1998.
- 68.Николаева А.В. «Путешествие в Армению» О.Мандельштама // Русская речь - 1997. - №6. - с.35-41.
- 69.Новиков Л.А. Семантика русского языка. - М.: Высшая школа, 1982. - 272 с.
- 70.Оганесян А. Г. Окказиональные слова в поэзии С. Кирсанова. Автореферат дисс. ... канд. фил. н.– М., 1989.
- 71.Орлова Е. Н.В. Недоброво и акмеизм // Вопросы литературы. – 2001. - № 5-6. - с. 313-322.
- 72.Панова Л.Г. Пространство в поэтическом мире О. Мандельштама // Языки пространств.- 2000. – с.429-439.
- 73.Плотникова Л.И. Процесс порождения нового слова в условиях коммуникации // Язык. Система. Личность / Материалы Международной научной конференции. – Екатеринбург, 1998. – с.124-128.
- 74.Плотникова Л.И. Динамический аспект исследования не узуальных образований // Лексическая и грамматическая семантика / Материалы республиканской научной конференции. - Белгород, 1998. - с.127-130.
- 75.Плотникова Л.И. Современная культура и новые слова в языке // Социально-исторические и духовные основы российской культуры / Материалы Российской международной научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и молодых учёных. – Белгород, 1998. – с.157.

76. Попов Р.Н. Новые слова на газетной полосе // РЯШ. - 1993. - №4. - 11с.
77. Попов Р.Н. Новые слова и словосочетания в языке современной прессы // РЯШ. - 1996. - №1. - с.15-16.
78. Потебня А.А. Слово и миф. - М.: Правда, 1989.
79. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М.: Искусство, 1976.
80. Ревзина О.Г. Поэтика окказионального слова// Язык как творчество. - М.: Феникс, 1996. – 344 с.
81. Ронен О. К сюжету «Стихов о неизвестном солдате» // Слово и судьба. – 1991. – с.428-436.
82. Сегал Д.М. Фрагмент семантической поэтики О.Э. Мандельштама // Russian Literature. – 1975. – №10. – с.59-145.
83. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М.: Прогресс: универс, 1995.
84. Серебренников Б.А. об относительной самостоятельности развития системы языка. - М.: Наука, 1968. - 127с.
85. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. - М.: Дрофа, 1998.
86. Смирницкий А.И. Объективность существования языка: Материалы к курсам языкознания – М.: Высшая школа, 1954.
87. Тарановский К. О. Очерки о поэзии О. Мандельштама // Тарановский К. О поэзии и поэтике. - М.: Искусство , 2000. – 546 с.
88. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991.
89. Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме// Russian Literature. – 1974. – №7/8. – с.54-78.
90. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. – М.: Просвещение, 1959.
91. Тимофеева В.В. Язык поэта и время: Поэтический язык В.Маяковского. –М.: Высшая школа, 1962. – 244 с.
92. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. – Воронеж: ВГУ, 1985.
93. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

94. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М.: Наука, 1977. –256с.
95. Улуханов И.С. Смысл и значение в словообразовании // РЯШ. - 1992. -№2. - с.21-23.
96. Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // Вопросы языкознания. - 1984. - №1. - с.44-50.
97. Фатеева Н.А. Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века // Новое литературное обозрение. - 1999. - №50 - с. 417.
98. Фёдорова М.В. О типах номинации в русском языке // Вопросы языкознания. - 1979 - №3 - с.132-137.
99. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. - 1957 - №4 - с.15-18.
100. Филин Ф. П. Истоки и судьбы литературного языка. - М.: Просвещение, 1981.
101. Филин Ф.П. Язык художественной литературы и читатель // Русская речь. - 1977 - №4 - с.15-18.
102. Фоменко Ю.В. Язык и речь: Учебное пособие. – Новосибирск: Трест, 1990.
103. Фрейдин Ю. О прозе Мандельштама // Наше наследие. – 1991. - №1. - с.58-61.
104. Ханпира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании русского языка // Развитие словообразования русского языка. - М.: Наука, 1966. - с.153-166.
105. Ханпира Э.И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. - М., 1972.
106. Хохлачева В.И. Индивидуальное словообразование в поэме Е. Евтушенко «Братская ГЭС» // Вопросы культуры речи. Вып. 8. - М.: Слово, 1967.
107. Шанский Н.В. Очерки по русскому словообразованию. - М.: МГУ, 1968. - 310с.
108. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения //Языковая система и речевая деятельность. - М.: Наука, 1974.
109. Эйхенбаум Б.М. О литературе (Работы разных лет). - М.: Наука, 1987. - с. 447.
110. Юдина А.Д. Окказионализмы на страницах периодики // Русская речь, 2000 - №5 - с.14-17.

111. Янко-Триницкая Н.А. К системности русского словообразования // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - М.: Высшая школа, 1976.

Словари

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М. 1966. - 607с.
2. Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов. Выпуск I. – М.: Русские словари, 1997.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-ое изд. - М.: Советская энциклопедия, 1969.
4. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология / Под ред. В.В. Виноградова и др. - М.: Изд. АН СССР, изд. 2-ое, 1960.
5. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Наука, 1970.
6. Даль В. Толковый словарь живого великого языка. Т. 1-4. , - М., 1956.
7. А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М.: Русский язык, 1980.
8. Квятковский А.П. Поэтический словарь. - М.: Дрофа, 2000.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1992. –958с.
10. Орфографический словарь русского языка. - М.: Наука, 1980.
11. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. – 543с.
12. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. - М.: Аграф, 2001.
13. Русская грамматика. В 2-х т. / Ред.: Н.Ю.Шведова и др. - М., 1982. - 855с.
14. Словарь иностранных слов русского языка. - М.: ЮНВЕС, 1996.
15. Словарь русского языка. В 4-х т.- М.: Институт русского языка АН СССР 1983.
16. Словарь современного русского языка. В 4 т. - М., 1981.
17. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. - М.: Русский язык, 1985. т.1 –855с., т.2 – 887с.
18. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. - М.: 1939.

19. Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складневской. - СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
20. Универсальный словарь иностранных слов русского языка. - М.: Вече, 2000.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. Б.Л. Ларина. 3-е изд. – СПб.: Терра - Азбука, 1996.
22. Харченко В.К. Словарь детской речи. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. пед. ин-та, 1994.
23. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1993.
24. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2 изд. – М.: Большая Русская энциклопедия, 1998.

Источники

1. О. Мандельштам. Собрание сочинений в 4 тт. - М.: Художественная литература, 1997.